

СТИВЕН

НОЧНАЯ СМЕНА

КИНГ



Король на все времена

Стивен Кинг

Ночная смена (сборник)

«АСТ»

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кинг С.

Ночная смена (сборник) / С. Кинг — «АСТ», — (Король на все времена)

ISBN 978-5-17-092566-7

Вы решились отправиться в странствие по закоулкам кошмаров, таящихся за гранью реальности. Здесь царят только безумие и паника. Здесь все, что кажется надежным и знакомым, может обернуться смертельно опасной ловушкой. Даже дневной свет здесь просачивается сквозь ночную тьму... За поворотом дороги – мир, где под масками людей таится Серое Зло. Зло, в котором нет ни искорки человеческой души. Новый поворот – и вот он, городок, где сверхсовременная мясорубка обрела свою собственную волю и разум. Еще поворот – и трижды раскаются те, кто столкнется с одержимым Газонокосильщиком. Потому что в глубинах его изломанной души таится Смерть. И опять дорога делает поворот – в школу возвращаются мертвые, возвращаются с жаждой нести гибель живым. И надо продать душу дьяволу, чтобы дьявола победить... Читайте сборник рассказов «Ночная смена» именно таким, как его задумал Стивен Кинг!

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-092566-7

© Кинг С.

© АСТ

Содержание

Предисловие	6
К читателю	9
Иерусалемов Удел	19
Ночная смена	42
Ночной прибор	56
Я – дверь отверстая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Стивен Кинг

Ночная смена (сборник)

Stephen King
NIGHT SHIFT

© Stephen King, 1976, 1977, 1978

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Предисловие

1

На вечеринках (коих я по мере возможности стараюсь избегать) меня часто одаривают улыбками и крепкими рукопожатиями самые разные люди, которые затем с многозначительно таинственным видом заявляют:

– Знаете, мне всегда хотелось писать.

Я всегда пытался быть с ними вежливым.

Но теперь с той же ликующе-загадочной ухмылкой отвечаю им:

– А мне, знаете ли, всегда хотелось быть нейрохирургом.

На лицах тут же возникает растерянность. Но это не важно. Кругом полно странных растерянных людей, не знающих, куда себя приткнуть и чем заняться.

Если вы хотите писать, то пишите.

И научиться писать можно только в процессе. Не слишком пригодный способ для освоения профессии нейрохирурга.

Стивен Кинг всегда хотел писать, и он пишет.

И он написал «Кэрри», и «Жребий», и «Сияние», и замечательные рассказы, которые вы можете прочесть в этой книжке, и невероятное количество других рассказов, и романов, и отрывков, и стихотворений, и эссе, а также прочих произведений, не подлежащих классификации, и уж тем более, по большей части, – публикации. Слишком уж отталкивающие и страшные описаны там картины.

Но он написал их именно так.

Потому что другого способа написать об этом просто не существует. Не существует, и все тут.

Усердие и трудолюбие – прекрасные качества. Но их недостаточно. Надо обладать вкусом к слову. Упиваться, обжираться словами. Купаться в них, раскатывать на языке. Перечитать миллионы слов, написанных другими.

Читать все, что только не попадет под руку, с чувством бешеной зависти или снисходительного презрения.

А самое яростное презрение следует приберечь для людей, скрывающих свою полную беспомощность и бездарность за многословием, жесткой структурой предложения, присущей германским языкам, неуместными символами, а также абсолютным отсутствием понимания того, что есть сюжет, исторический контекст, ритм и образ.

Только начав понимать, что такое вы сами, вы научитесь понимать других людей. Ведь в каждом первом встречном есть частичка вашего собственного «я».

Ну вот, собственно, и все. Итак, еще раз, что нам необходимо? Усердие и трудолюбие плюс любовь к слову, плюс выразительность – и вот из всего этого с трудом пробивается на свет Божий частичная объективность.

Ибо абсолютной объективности не существует вообще...

И тут я, печатающий эти слова на своей голубой машинке и дошедший уже до второй страницы этого предисловия и совершенно отчетливо представлявший сначала, что и как собираюсь сказать, вдруг растерялся. И теперь вовсе не уверен, понимаю ли сам, что именно хотел сказать.

Прожив на свете вдвое дольше Стивена Кинга, я имею основания полагать, что оцениваю свое творчество более объективно, нежели Стивен Кинг свое.

Объективность... о, она вырабатывается так медленно и болезненно.

¹ Introduction, by John D. MacDonald. © 1998. Н. Рейн. Перевод с английского.

Ты пишешь книги, они расходятся по миру, и очистить их от присущего им духа, как от шелухи, более уже невозможно. Ты связан с ними, словно с детьми, которые выросли и избрали собственный путь, невзирая на все те ярлыки, которые ты на них навешивал. О, если бы только это было возможно – вернуть их домой и придать каждой книге дополнительного блеска и силы!.. Подчистить, подправить страницу за страницей. Углубить, перелопатить, навести полировку, избавить от лишнего...

Но в свои тридцать Стивен Кинг куда лучший писатель, нежели был я в свои тридцать и сорок.

И я испытываю к нему за это нечто вроде ненависти – так, самую малость.

И еще, мне кажется, знаю в лицо целую дюжину демонов, попрятавшихся в кустах вдоль тропинки, которую он избрал, но даже если бы у меня и существовал способ предупредить его об этом, он бы все равно не послушался. Тут уж кто кого – или он их, или они его.

Все очень просто.

Ладно. Так о чем это я?..

Трудолюбие, любовь к слову, выразительность, объективность... А что еще?

История! Ну конечно, история, что же еще, черт побери!

История – это нечто, случившееся с тем, за кем вы наблюдаете и к кому неравнодушны. Случиться она может в любом измерении – физическом, ментальном, духовном. А также в комбинации всех этих трех измерений.

И без вмешательства автора.

А вмешательство автора – это примерно вот что: «Бог мой, мама, ты только посмотри, как *здорово* я пишу!»

Другого рода вмешательство – чистой воды гротеск. Вот один из любимейших примеров, вычитанных мной из прошлогоднего сборника бестселлеров: «Его глаза скользнули по передней части ее платья».

Вмешательство автора – это глупая или неуместная фраза, заставляющая читателя тут же осознать, что он занят процессом чтения, и оторвать его тем самым от истории. У бедняги шок, и он тут же забывает, о чем шла речь.

Другой разновидностью авторского вмешательства являются эдакие мини-лекции, включенные в ткань повествования. Кстати, один из самых прискорбных моих недостатков.

Образ должен быть выписан точно, содержать неожиданное и меткое наблюдение и не нарушать очарования повествования. В этот сборник включен рассказ под названием «Грузовики», где Стивен Кинг рисует сцену напряженного ожидания в авторемонтной мастерской и описывает собравшихся там людей. «Коммивояжер, он ни на секунду не расставался с заветным чемоданчиком с образцами. Вот и теперь чемоданчик лежал у его ног, словно любимая собака, решившая вздремнуть».

Очень, как мне кажется, точный образ.

В другом рассказе он демонстрирует безупречный слух, придавая диалогу необыкновенную живость и достоверность. Муж с женой отправились в долгое путешествие. Едут по какой-то заброшенной дороге. Она говорит: «Да, Бёрт, я знаю, что мы в Небраске, Бёрт. И все же, куда это нас, черт возьми, *занесло*?» А он отвечает: «Атлас дорог у тебя. Так погляди. Или читать разучилась?»

Очень хорошо. И так просто и точно. Прямо как в нейрохирургии. У ножа имеется лезвие. Ты держишь его соответствующим образом. И делаешь надрез.

И наконец, рискуя быть обвиненным в иконоборчестве, должен со всей ответственностью заявить, что мне абсолютно плевать, какую именно тему избирает для своего творчества Стивен Кинг. Тот факт, что он в данное время явно упивается описанием разных ужасов из жизни привидений, ведьм и прочих чудовищ, обитающих в подвалах и канализационных люках, кажется мне не самым главным, когда речь заходит о практике его творчества.

Ведь вокруг нас происходит немало самых ужасных вещей. И все мы – и вы, и я – ежедневно испытываем сумасшедшие стрессы. А детишками, в душах которых живет зло, можно заполнить Диснейленд. Но главное, повторяю, это все-таки история.

Взяв читателя за руку, она ведет его за собой. И не оставляет безразличным.

И еще. Две самые сложные для писателя сферы – это юмор и мистика. Под неуклюжим пером юмор превращается в погребальную песнь, а мистика вызывает смех.

Но если перо умелое, вы можете писать о чем угодно.

И похоже, что Стивен Кинг вовсе не собирается ограничиться сферой своих сегодняшних интересов.

Стивен Кинг не ставит целью доставить удовольствие читателю. Он пишет, чтоб доставить удовольствие себе. Я – тоже. И когда такое случается, результат нравится всем. Истории, доставляющие удовольствие Стивену Кингу, радуют и меня.

По странному совпадению во время написания этого предисловия я вдруг узнал, что роман Кинга «Сияние» и мой роман «Кондоминиум» включены в список бестселлеров года. Не поймите превратно, мы с Кингом вовсе не соревнуемся в борьбе за внимание читателя. Мы с ним, как мне кажется, конкурируем с беспомощными, претенциозными и псевдосенсационными произведениями тех, кто так и не удосужился научиться своему ремеслу.

Что же касается мастерства, с которым создана история, и удовольствия, которое вы можете получить, читая ее, то не так уж много у нас Стивенов Кингов.

И если вы прочли все это, надеюсь, что времени у вас достаточно. И можно приступить к чтению рассказов.

Джон Д. Макдональд

К читателю

2

Давайте поговорим. Давайте поговорим с вами о страхе.

Я пишу эти строки, и я в доме один. За окном моросит холодный февральский дождь. Ночь... Порой, когда ветер завывает вот так, как сегодня, особенно тоскливо, мы теряем над собой всякую власть. Но пока она еще не утеряна, давайте все же поговорим о страхе. Поговорим спокойно и рассудительно о приближении к бездне под названием безумие... о балансировании на самом ее краю.

Меня зовут Стивен Кинг. Я взрослый мужчина. Живу с женой и тремя детьми. Я очень люблю их и верю, что чувство это взаимно. Моя работа – писать, и я очень люблю свою работу. Романы «Кэрри», «Жребий», «Сияние» имели такой успех, что теперь я могу зарабатывать на жизнь исключительно писательским трудом. И меня это очень радует. В настоящее время со здоровьем вроде бы все в порядке. В прошлом году избавился от вредной привычки курить крепкие сигареты без фильтра, которые смолил с восемнадцати лет, и перешел на сигареты с фильтром и низким содержанием никотина. Со временем надеюсь бросить курить совсем. Проживаю с семьей в очень уютном и славном доме рядом с относительно чистым озером в штате Мэн; как-то раз прошлой осенью, проснувшись рано утром, вдруг увидел на заднем дворе оленя. Он стоял рядом с пластиковым столиком для пикников. Живем мы хорошо.

И, однако же, поговорим о страхе. Не станем повышать голоса и наивно вскрикивать. Поговорим спокойно и рассудительно. Поговорим о том моменте, когда добротная ткань вашей жизни вдруг начинает расползаться на куски и перед вами открываются совсем другие картины и вещи.

По ночам, укладываясь спать, я до сих пор привержен одной привычке: прежде чем выключить свет, хочу убедиться, что ноги у меня как следует укрыты одеялом. Я уже давно не ребенок, но... но ни за что не засну, если из-под одеяла торчит хотя бы краешек ступни. Потому что если из-под кровати вдруг вынырнет холодная рука и ухватит меня за щиколотку, я, знаете ли, могу и закричать. Заорать, да так, что мертвые проснутся. Конечно, ничего подобного со мной случиться не может, и все мы прекрасно это понимаем. В рассказах, собранных в этой книге, вы встретитесь с самыми разнообразными ночными чудовищами – вампирами, демонами, тварью, которая живет в чулане, прочими жуткими созданиями. Все они нереальны. И тварь, живущая у меня под кроватью и готовая схватить за ногу, тоже нереальна. Я это знаю. Но твердо знаю также и то, что, если как следует прикрыть одеялом ноги, ей не удастся схватить меня за щиколотку.

Иногда мне приходится выступать перед разными людьми, которые интересуются литературой и писательским трудом. Обычно, когда я уже заканчиваю отвечать на вопросы, кто-то обязательно встает и непременно задает один и тот же вопрос: «Почему вы пишете о таких ужасных и мрачных вещах?»

И я всегда отвечаю одно и то же: *Почему вы считаете, что у меня есть выбор?*

Писательство – это занятие, которое можно охарактеризовать следующими словами: хватай что можешь.

В глубинах человеческого сознания существуют некие фильтры. Фильтры разных размеров, разной степени проницаемости. Что застряло в моем фильтре, может свободно проскочить через ваш. Что застряло в вашем, запросто проскакивает через мой. Каждый из нас обладает некоей встроенной в организм системой защиты от грязи, которая и накапливается

² Foreword. © 1998. Н. Рейн. Перевод с английского.

в этих фильтрах. И то, что мы обнаруживаем там, зачастую превращается в некую побочную линию поведения. Бухгалтер вдруг начинает увлекаться фотографией. Астроном коллекционирует монеты. Школьный учитель начинает делать углем наброски надгробных плит. Шлак, осадок, застрявший в фильтре, частицы, отказывающиеся проскакать через него, зачастую превращаются у человека в манию, некую навязчивую идею. В цивилизованных обществах по негласной договоренности эту манию принято называть «хобби».

Иногда хобби перерастает в занятие всей жизни. Бухгалтер вдруг обнаруживает, что может свободно прокормить семью, делая снимки; учитель становится настоящим экспертом по части надгробий и может даже прочесть на эту тему целый цикл лекций. Но есть на свете профессии, которые начинаются как хобби и остаются хобби на всю жизнь, даже если занимающийся ими человек вдруг видит, что может зарабатывать этим на хлеб. Но поскольку само слово «хобби» звучит мелко и как-то несолидно, мы, опять же по негласной договоренности, начинаем в подобных случаях называть свои занятия «искусством».

Живопись. Скульптура. Сочинение музыки. Пение. Актерское мастерство. Игра на музыкальном инструменте. Литература. По всем этим предметам написано столько книг, что под их грузом может пойти на дно целая флотилия из роскошных лайнеров. И единственное, в чем придерживаются согласия авторы этих книг, заключается в следующем: тот, кто является истинным приверженцем любого из видов искусств, будет заниматься им, даже если не получит за свои труды и старания ни гроша; даже если наградой за все его усилия будут лишь суровая критика и брань; даже под угрозой страданий, лишений, тюрьмы и смерти. Лично мне все это кажется классическим примером поведения под влиянием навязчивой идеи. И проявляться оно может с равным успехом и в занятиях самыми заурядными и обыденными хобби, и в том, что мы так выпендренно называем «искусством». Бампер автомобиля какого-нибудь коллекционера оружия может украшать наклейка с надписью: **ТЫ ЗАБЕРЕШЬ У МЕНЯ РУЖЬЕ ТОЛЬКО В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ УДАСТСЯ РАЗЖАТЬ МОИ ХОЛОДЕЮЩИЕ МЕРТВЫЕ ПАЛЬЦЫ.** А где-нибудь на окраине Бостона домохозяйки, проявляющие невиданную политическую активность в борьбе с плановой застройкой их района высотными зданиями, часто наклеивают на задние стекла своих пикапов наклейки следующего содержания: **СКОРЕЕ Я ПОЙДУ В ТЮРЬМУ, ЧЕМ ВАМ УДАСТСЯ ВЫЖИТЬ МОИХ ДЕТЕЙ ИЗ ЭТОГО РАЙОНА.** Ну и по аналогии, если завтра на нумизматику вдруг объявят запрет, то астроном-коллекционер вряд ли выбросит свои железные пенни и алюминиевые никели. Нет, он аккуратно сложит монеты в пластиковый пакетик, спрячет где-нибудь на дне бачка в туалете и будет любоваться своими сокровищами по ночам.

Мы несколько отвлеклись от нашего предмета обсуждения – страха. Впрочем, ненадолго. Итак, грязь, застрявшая в фильтрах нашего подсознания, и составляет зачастую природу страха. И моя навязчивая идея – это ужасное. Я не написал ни одного рассказа из-за денег, хотя многие из них, перед тем как попали в эту книгу, были опубликованы в журналах, и я ни разу не возвратил присланного мне чека. Возможно, я и страдаю навязчивой идеей, но ведь это еще не *безумие*. Да, повторяю: я писал их не ради денег. Я писал их просто потому, что они пришли мне в голову. К тому же вдруг выяснилось, что моя навязчивая идея – довольно ходовой товар. А сколько разбросано по разным уголкам света разных безумцев и безумиц, которым куда как меньше повезло с навязчивой идеей.

Я не считаю себя великим писателем, но всегда чувствовал, что обречен писать. Итак, каждый день я заново процеживаю через свои фильтры всякие шлаки, перебираю застрявшие в подсознании фрагменты различных наблюдений, воспоминаний и рассуждений, пытаюсь сделать что-то с частицами, не проскочившими через фильтр.

Луи Лямур, сочинитель вестернов, и я... оба мы могли оказаться на берегу какой-нибудь запруды в Колорадо, и нам обоим могла одновременно прийти в голову одна и та же идея. И тогда мы, опять же одновременно, испытали бы неукротимое желание сесть за стол и перенести

свои мысли на бумагу. И он написал бы рассказ о подъеме воды в сезон дождей, а я – скорее всего о том, что где-то там, в глубине, прячется под водой ужасного вида тварь. Время от времени выскакивает на поверхность и утаскивает на дно овец... лошадей... человека, наконец. Навязчивой идеей Луи Лямура является история американского Запада; моей же – существа, выползающие из своих укрытий при свете звезд. А потому он сочиняет вестерны, а я – ужастики. И оба мы немного чокнутые.

Занятие любым видом искусств продиктовано навязчивой идеей, а навязчивые идеи опасны. Это как нож, засевший в мозгу. В некоторых случаях – как это было с Диланом Томасом, Россом Локридом, Хартом Крейном и Сильвией Плат³ – нож может неудачно повернуться и убить человека.

Искусство – это индивидуальное заболевание, страшно заразное, но далеко не всегда смертельное. Ведь и с настоящим ножом тоже надо обращаться умело, сами знаете. Иначе можно порезаться. И если вы достаточно мудры, то обращаетесь с частицами, засевшими в подсознании, достаточно осторожно – тогда поразившая вас болезнь не приведет к смерти.

Итак, за вопросом ЗАЧЕМ ВЫ ПИШЕТЕ ВСЮ ЭТУ ЕРУНДУ? – неизбежно возникает следующий: ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ ЛЮДЕЙ ЧИТАТЬ ВСЮ ЭТУ ЕРУНДУ? ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ ЕЕ ПРОДАВАТЬСЯ? Сама постановка вопроса подразумевает, что любое произведение из разряда ужасиков, в том числе и литературное, апеллирует к дурному вкусу. Письма, которые я получаю от читателей, часто начинаются со следующих слов: «Полагаю, вы сочтете меня странным, но мне действительно понравился ваш роман». Или: «Возможно, я ненормальный, но буквально упивался каждой страницей «Сияния»...»

Думаю, что я нашел ключ к разгадке на страницах еженедельника «Ньюсвик», в разделе кинокритики. Статья посвящалась фильму ужасов, не очень хорошему, и была в ней такая фраза: «...прекрасный фильм для тех, кто любит, сбавив скорость, поглазеть на автомобильную аварию». Не слишком глубокое высказывание, но если подумать как следует, его вполне можно отнести ко всем фильмам и рассказам ужасов. «Ночь живых мертвецов» («The night of the Living Dead») с чудовищными сценами каннибализма и матереубийства, безусловно, можно причислить к разряду фильмов, на которые ходят любители сбавить скорость и поглазеть на результаты автокатастрофы. Ну а как насчет той сцены из «Изгоняющего дьявола» («The Exorcist»), где маленькая девочка выблевывает фасолевый суп прямо на рясу священника? Или взять, к примеру, «Дракулу» Брэма Стокера, который является как бы эталоном всех современных романов ужасов, что, собственно, справедливо, поскольку это было первое произведение, где отчетливо прозвучал психофрейдистский подтекст. Там маньяк по имени Ренфелд пожирает мух, пауков, а затем – и птичку. А затем выблевывает эту птичку вместе с перьями и всем прочим. В романе также описано сажание на кол – своего рода ритуальное соитие – молоденькой и красивой ведьмочки и убийство младенца и его матери.

И в великой литературе о сверхъестественном часто можно найти сценки из того же разряда – для любителей сбавить скорость и поглазеть. Убийство Беовульфом⁴ матери Гренделя; расчленение страдающего катарактой благодетеля из «Сердца сплетника» («The Tell-Tale Heart»), после чего убийца (он же автор повествования) прячет куски тела под половицами; сражение хоббита Сэма с пауком Шелобом в финальной части трилогии Толкина⁵.

³ Томас, Дилан – английский поэт, символист; Локридж, Росс – американский писатель, автор детективов; Крейн, Харт – американский поэт; Плат, Сильвия – американская поэтесса. Все эти литераторы преждевременно и трагически ушли из жизни. – *Здесь и далее примеч. пер.*

⁴ «Беовульф» – наиболее значительный из сохранившихся памятников древнего англосаксонского эпоса. Поэма дошла до нас в единственном рукописном варианте начала X в.

⁵ Толкин, Джон Рональд (1892 – 1973) – английский писатель, автор сказочно-героической эпопеи «Властелин колец».

Нет, безусловно, найдутся люди, которые будут яростно возражать и приводить в пример Генри Джеймса⁶, который не стал описывать ужасов автомобильной катастрофы в «Повороте винта»; утверждать, что в таких рассказах ужасов Натаниела Готорна⁷, как «Молодой Гудмен Браун» («Young Goodman Brown») и «Черная мантия священника» («The Minister's Black Veil»), в отличие от «Дракулы» напрочь отсутствует безвкусица. Это заблуждение. В них все равно показана «автокатастрофа» – правда, тела пострадавших уже успели убрать, но мы видим покореженные обломки и пятна крови на обивке. И в каком-то смысле деликатность описания, отсутствие трагизма, приглушенный и размеренный тон повествования, рациональный подход, превалирующий, к примеру, в «Черной мантии священника», еще ужаснее, нежели откровенное и детальное описание казни в новелле Эдгара По «Колодец и маятник».

Все дело в том – и большинство людей чувствуют это сердцем, – что лишь немногие из нас могут преодолеть неукротимое стремление хоть искоса, хотя бы краешком глаза взглянуть на окруженное полицейскими машинами с мигалками место катастрофы. У граждан постарше – свой способ: утром они первым делом хватаются за газету и первым делом ищут колонку с некрологами, посмотреть, кого удалось пережить. Все мы хотя бы на миг испытываем пронзительное чувство неловкости и беспокойства – узнав, к примеру, что скончался Дэн Блокер, или Фредди Принз⁸, или же Дженис Джоплин⁹. Мы испытываем ужас, смешанный с неким оттенком радости, услышав по радио голос Пола Харви, сообщающего нам о какой-то женщине, угодившей под лопасти пропеллера во время сильного дождя на территории маленького загородного аэропорта; или же о мужчине, заживо сварившемся в огромном промышленном смесителе, когда один из рабочих перепутал кнопки на пульте управления. Нет нужды доказывать очевидное – жизнь полна страхов, больших и маленьких, но поскольку малые страхи постигнуть проще, именно они в первую очередь вселяются в наши дома и наполняют наши души смертельным, леденящим чувством ужаса.

Наш интерес к «карманным» страхам очевиден, но примерно то же можно сказать и об омерзении. Эти два ощущения странным образом переплетаются и порождают чувство вины... вины и неловкости, сходной с той, которую испытывает юноша при первых признаках пробуждения сексуальности...

И не мне убеждать вас отбросить чувство вины и уж тем более – оправдываться за свои рассказы и романы, которые вы прочтете в этой книге. Но между сексом и страхом явно прослеживается весьма любопытная параллель. С наступлением половозрелости и возможности вступать в сексуальные взаимоотношения у нас просыпается и интерес к этим взаимоотношениям. Интерес, если он не связан с половым извращением, обычно направлен на спаривание и продолжение вида. По мере того как мы осознаем конечность всего живого, неизбежность смерти, мы познаем и страх. И в то время как спаривание направлено на самосохранение, все наши страхи происходят из осознания неизбежности конца, так я, во всяком случае, это вижу.

Всем, думаю, известна сказка о семи слепых, которые хватали слона за разные части тела. Один из них принял слона за змею, другой – за огромный пальмовый лист, третьему казалось, что он трогает каменную колонну. И только собравшись вместе, слепые сделали вывод, что это был слон.

Страх – это чувство, которое превращает нас в слепых. Но чего именно мы боимся? Боимся выключить свет, если руки у нас мокрые. Боимся сунуть нож в тостер, чтоб вытащить прилипший кусочек хлеба, предварительно не отключив прибор от сети. Боимся приговора

⁶ Джеймс, Генри (1843 – 1916) – американский писатель, с 1875 г. жил в Европе, мастер психологического романа. В числе его произведений – мистико-загадочный рассказ «Поворот винта» («The Turn of the Screw», 1898).

⁷ Готорн, Натаниел (1804 – 1864) – американский писатель, автор сборников рассказов «Легенды старой усадьбы» и «Снегурочка и другие дважды рассказанные истории».

⁸ Принз, Фредди – молодой американский комик, чья карьера оборвалась в 1977 г.

⁹ Джоплин, Дженис (1942 – 1969) – американская певица.

врача после проведения медицинского обследования; боимся, когда самолет вдруг проваливается в воздушную яму. Боимся, что в баке кончится бензин, что на земле вдруг исчезнут чистый воздух, чистая вода и кончится нормальная жизнь. Когда дочь обещает быть дома в одиннадцать вечера, а на часах четверть двенадцатого и в окно барабанит, словно песок, мелкая изморось, смесь снега с дождем, мы сидим и делаем вид, что страшно внимательно смотрим программу с Джонни Карсоном¹⁰, а на деле только и косимся на молчащий телефон и испытываем чувство, которое превращает нас в слепых, постепенно разрушая процесс мышления как таковой.

Младенец – вот кто поистине бесстрашное создание. Но только до того момента, пока рядом вдруг не окажется мать, готовая сунуть ему в рот сосок, когда он, проголодавшись, начнет плакать. Малыш, только начинающий ходить, быстро познает боль, которую может причинить внезапно захлопнувшаяся дверь, горячий душ, противное чувство озноба, сопровождающее круп или корь. Дети быстро обучаются страху; они читают его на лице отца или матери, когда родители, войдя в ванную, застают свое дитя с пузырьком таблеток или же безопасной бритвой в руке.

Страх ослепляет нас, и мы копаемся в своих чувствах с жадным интересом, словно стараемся составить целое из тысячи разрозненных фрагментов, как делали те слепые со слонем.

Мы улавливаем общие очертания. Дети делают это быстрее, столь же быстро забывают, а затем, став взрослыми, учатся вновь. Но общие очертания сохраняются, и большинство из нас рано или поздно осознают это. Очертания сводятся к силуэту тела, прикрытого простыней. Все наши мелкие страхи приплюсовываются к одному большому, все наши страхи – это часть одного огромного страха... рука, нога, палец, ухо... Мы боимся тела, прикрытого простыней. Это наше тело. И основная притягательность литературы ужасов сводится к тому, что на протяжении веков она служила как бы репетицией нашей смерти.

К этому жанру всегда относились несколько пренебрежительно. Достаточно вспомнить, что в течение довольно долгого времени истинными ценителями Эдгара По и Лавкрафта¹¹ были французы, в душах которых наиболее органично уживаются секс и смерть, чего никак не скажешь о соотечественниках По и Лавкрафта. Американцам было не до того, они строили железные дороги, и По и Лавкрафт умерли нищими. Фантазии Толкина тоже отвергались – лишь через двадцать лет после первых публикаций его книги вдруг стали пользоваться оглушительным успехом. Что касается Курта Воннегута, в чьих произведениях так часто проскальзывает идея «репетиции смерти», то его всегда яростно критиковали, и в этом урагане критики проскальзывали порой даже истерические нотки.

Возможно, это обусловлено тем, что сочинитель ужасов всегда приносит плохие вести. Ты обязательно умрешь, говорит он. Он говорит: «Плюньте вы на Орала Робертса¹², который только и знает, что твердить: «С вами непременно должно случиться что-то *хорошее*». Потому что с вами столь же непременно должно случиться и самое *плохое*. Может, то будет рак, или инсульт, или автокатастрофа, не важно, но рано или поздно это все равно случится. И вот он берет вас за руку, крепко сжимает ее в своей, ведет в комнату, заставляет дотронуться до тела, прикрытого простыней... и говорит: «Вот, потрогай здесь... и здесь... и еще *здесь*».

Безусловно, аспекты смерти и страха не являются исключительной прерогативой сочинителей ужасиков. Многие так называемые писатели «основного потока» тоже обращались к этим темам, и каждый делал это по-своему – от Федора Достоевского в «Преступлении и наказании» и Эдварда Олби¹³ в «Кто боится Вирджинии Вулф?» до Росса Макдональда с его

¹⁰ Карсон, Джон (1925–2005) – американский актер, звезда разговорного жанра на телевидении.

¹¹ Лавкрафт, Говард Филип – американский писатель, сочинитель готической мистики.

¹² Робертс, Орал (1918–2009) – американский евангелист, проповедник, основатель церкви Святости Пятидесятников.

¹³ Олби, Эдвард (р. 1928) – американский драматург, продолжатель традиций Аугуста Стриндберга и Теннесси Уильямса.

приключениями Лью Арчера. Страх всегда был велик. Смерть всегда являлась великим событием. Это две константы, присущие человеку. Но лишь сочинитель ужасов, автор, описывающий сверхъестественное, дает читателю шанс узнать, определить его и тем самым очиститься. Работающие в этом жанре писатели, пусть даже имеющие самое отдаленное представление о значении своего творчества, тем не менее знают, что страх и сверхъестественное служат своего рода фильтром между сознанием и подсознанием. Их сочинения служат как бы остановкой на центральной магистрали человеческой психики, на перекрестке между двумя линиями: голубой линией того, что мы можем усвоить без вреда для своей психики, и красной линией, символизирующей опасность – то, от чего следует избавляться тем или иным способом.

Ведь, читая ужастики, вы же всерьез не верите в написанное. Вы же не верите ни в вампиров, ни в оборотней, ни в грузовики, которые вдруг заводятся сами по себе. Настоящие ужасы, в которые мы верим, – из разряда того, о чем писали Достоевский, Олби и Макдональд. Это ненависть, отчуждение, старение без любви, вступление в непонятный и враждебный мир неуверенной походкой юноши. И мы в своей повседневной реальности часто напоминаем трагедийно-комедийную маску – усмехающуюся снаружи и скорбно опустившую уголки губ внутри. Где-то, безусловно, существует некий центральный пункт переключения, некий трансформатор с проводками, позволяющий соединить эти две маски. И находится он в том самом месте, в том уголке души, куда так хорошо ложатся истории ужасов.

Сочинитель этих историй не слишком отличается от какого-нибудь уэльского «пожирателя» грехов, который, съедая оленя, полагал, что берет тем самым на себя часть грехов животного. Повествование о чудовищах и страхах напоминает корзинку, наполненную разного рода фобиями. И когда вы читаете историю ужасов, то вынимаете один из воображаемых страхов из этой корзинки и заменяете его своим, настоящим – по крайней мере на время.

В начале 50-х киноэкраны Америки захлестнула целая волна фильмов о гигантских насекомых: «Они» («Them!»), «Начало конца» («The Beginning of the End»), «Смертельный богомол» («The Deadly Mantis») и так далее. И почти одновременно с этим вдруг выяснилось: гигантские и безобразные мутанты появились в результате ядерных испытаний в Нью-Мексико или на атоллах в Тихом океане (примером может также служить относительно свежий фильм «Ужас на пляже для пирушек» («Horror of Party Beach») по мотивам «Армагеддон под покровом пляжа» («Armageddon Beach Blanket»), где описаны невообразимые ужасы, возникшие после преступного загрязнения местности отходами из ядерных реакторов). И если обобщить все эти фильмы о чудовищных насекомых, возникает довольно целостная картина, некая модель проецирования на экран подспудных страхов, развившихся в американском обществе с момента принятия Манхэттенского проекта¹⁴. К концу 50-х на экраны вышел цикл фильмов, повествующих о страхах тинейджеров, начиная с таких эпических лент, как «Тинейджеры из космоса» («Teen-Agers from Outer Space») и «Капля» («The Blob»), в котором безбородый Стив Макквин¹⁵ сражается с неким желеобразным мутантом, в чем ему помогают юные друзья. В век, когда почти в каждом еженедельнике публикуется статья о возрастании уровня преступности среди несовершеннолетних, эти фильмы отражают беспокойство и тревогу общества, его страх перед зреющим в среде молодежи бунтом. И когда вы видите, как Майкл Лэндон¹⁶ вдруг превращается в волка в фирменном кожаном пиджачке высшей школы, то тут же возникает связь между фантазией на экране и подспудным страхом, который испытываете вы при виде какого-нибудь придурка в автомобиле с усиленным двигателем, с которым встречается ваша дочь. Что же касается самих подростков – я тоже был одним из них и знаю по

¹⁴ «Манхэттенский проект» – название правительственной научно-промышленной программы создания атомной бомбы, принятой администрацией Рузвельта в 1942 г.

¹⁵ Макквин, Стивен (1930–1980) – популярный американский актер кино и театра.

¹⁶ Лэндон, Майкл (1931–1991) – американский актер, режиссер, продюсер и сценарист.

опыту: монстры, порожденные на американских киностудиях, дают им шанс узреть кого-то еще страшней и безобразней, чем их собственное представление о самих себе. Что такое несколько выскочивших, как всегда не на месте и не ко времени, прыщиков в сравнении с неуклюжим созданием, в которое превращается паренек из фильма «Я был молодым Франкенштейном» («I was a Teen-Age Frankenstein»). Те же фильмы отражают и подспудные ощущения подростков, что их все время пытаются вытеснить на задворки жизни, что взрослые к ним несправедливы, что родители их не понимают. Эти ленты символичны – как, впрочем, и вся фантастика, живописующая ужасы, литературная или снятая на пленку – и наиболее наглядно формулируют паранойю целого поколения. Паранойю, вызванную, вне всякого сомнения, всеми этими статьями, что читают родители. В фильмах городу Элмвилль угрожает некое жуткое, покрытое бородавками чудовище. Детишки знают это, потому что видели летающую тарелку, приземлившуюся на лужайке. В первой серии бородавчатый монстр убивает старика, проезжавшего в грузовике (роль старика блистательно исполняет Элиша Кук-младший). В следующих трех сериях дети пытаются убедить взрослых, что чудовище обретается где-то поблизости. «А ну, валите все вон отсюда, пока я не арестовал вас за нарушение комендантского часа!» – рычит на них шериф Элмвилля как раз перед тем, как монстр появится на Главной улице. В конце смысленным ребятишкам все же удается одолеть чудовище, и вот они отправляются отметить это радостное событие в местную кондитерскую, где сосут леденцы, хрустят шоколадками и танцуют джиттербаг¹⁷ под звуки незабываемой мелодии на титрах.

Подобного рода цикл фильмов предоставляет сразу три возможности для очищения – не столь уж плохо для дешевых, сделанных на живую нитку картин, съемки которых занимают дней десять, не больше. И не случается этого лишь по одной причине – когда писатели, продюсеры и режиссеры хотят, чтобы это случилось. А когда случается, то опять же по одной причине, а именно: при понимании того, что страх, как правило, гнездится в очень тесном пространстве, в той точке, где происходит смычка сознательного и подсознательного, в том месте, где аллегория и образ счастливо и естественно сливаются в единое целое, производя при этом наиболее сильный эффект. Между такими фильмами, как «Я был тинейджером-оборотнем» («I was a Teen-Age Werewolf»), «Механическим апельсином» Стэнли Кубрика, «Монстром-подростком» («Teen-Age Monster») и картиной Брайана Де Пальмы «Кэрри», явно прослеживается прямая эволюционная связь по восходящей.

Великие произведения на тему ужасов всегда аллегоричны; иногда аллегория создается преднамеренно, как, к примеру, в «Звероферме» и «1984»¹⁸, иногда возникает случайно – так, к примеру, Джон Рональд Толкин клянется и божится, что, создавая образ Темного Властелина Мордора, вовсе не имел в виду Гитлера в фантастическом обличье, однако, по дружному мнению критиков, добился именно этого эффекта. Подобных примеров можно привести великое множество... возможно, потому, что, по словам Боба Дилана¹⁹, когда у вас много ножей и вилок, ими надо что-нибудь резать.

Работы Эдварда Олби, Стейнбека, Камю, Фолкнера – в них тоже идет речь о страхе и смерти. Иногда об этом повествуется с ужасом, но, как правило, писатели «основного потока» описывают все в более традиционной, реалистической манере. Ведь их произведения вставлены в рамки рационального мира – это истории о том, что «могло случиться в действительности». И пролегают они по той линии движения, что проходит через внешний мир. Есть и другие писатели, такие как Джеймс Джойс, тот же Фолкнер, такие поэты, как Сильвия Плат, Т.

¹⁷ Джиттербаг – быстрый танец с элементами акробатики под музыку свинг или буги-вуги, появился в 20-е гг. XX века, был особенно популярен в 40-е гг.

¹⁸ Романы-антиутопии Джорджа Оруэлла (1903–1950), английского писателя, публициста. «Звероферма» известна отечественному читателю также под названием «Скотный Двор».

¹⁹ Дилан, Роберт (р. 1941) – автор и исполнитель фолк-музыки, борец за гражданские права.

С. Элиот и Энн Секстон²⁰, чьи работы принадлежат миру символизма, среде подсознательного. Их генеральное направление пролегает по линии, ведущей «внутрь», живописующей «внутренние» пейзажи. Сочинитель же ужасов почти всегда находится на некоей промежуточной станции между этими двумя направлениями – по крайней мере в том случае, если он последователен. А если он последователен да к тому же еще и талантлив, то мы, читая его книги, вдруг перестаем понимать, грезим ли или видим эти картины наяву; у нас возникает ощущение, что время то растягивается, то стремительно катится куда-то под откос. Мы начинаем слышать чьи-то голоса, но не можем разобрать слов; сны начинают походить на реальность, а реальность протекает словно во сне.

Это очень странное место, удивительная станция. Там находится страшный и загадочный Дом на Холме, и поезда бегут то в одном, то в другом направлении, и двери вагонов плотно закрыты; там в комнате с желтыми обоями ползает по полу женщина и прижимается щекой к еле заметному жирному отпечатку на половице; там обитают человеко-пауки, угрожавшие Фродо и Сэму, и модель Пикмена, и вендиго, и Норман Бейтс со своей ужасной мамашей. На этой остановке нет места яви и снам, есть только голос писателя, приглушенный и ровный, повествующий о том, что порой добротная с виду ткань вещей вдруг начинает расползаться прямо на глазах – с удручающей быстротой и внезапностью. Он внушает вам, что вы хотите видеть автомобильную аварию, и да, он прав – вам хотелось бы. Замогильный голос в телефонной трубке... какое-то шуршание за стенами старого дома... о нет, вряд ли это крысы, какое-то более крупное существо... чьи-то шаги внизу, в подвале, у лестницы... Он хочет, чтобы вы видели и слышали все это. Более того, он хочет, чтобы вы коснулись рукой тела, прикрытого простыней. И вы тоже хотите этого... Да-да, и не вздумайте отрицать!..

Рассказы ужасов должны, как мне кажется, содержать вполне определенный набор элементов, но этого мало. Я твердо убежден в том, что в них должна быть еще одна штука, пожалуй, самая главная. В них должна быть рассказана история, способная заморозить читателя, слушателя или зрителя. Заморозить, заставить забыть обо всем, увести в мир, которого нет и быть не может. Всю свою жизнь я как писатель был убежден в том, что самое главное в прозе – это история. Что именно она доминирует над всеми аспектами литературного мастерства, что тема, настроение, образы – все это не работает, если история скучна. Но если она захватила вас, все остальное начинает работать. И для меня всегда служили в этом смысле образцом произведения Эдгара Райса Берроуза²¹. Хотя его и нельзя, пожалуй, назвать великим писателем, цену хорошо придуманной истории он прекрасно знал. На первой же странице романа «Забытая временем земля» («The Land That Time Forgot») герой, от лица которого ведется повествование, находит в бутылке рукопись. И все остальное содержание сводится к пересказу этой рукописи. И вот какими словами предваряет автор ее чтение: «Прочтите одну страницу, и вы забудете обо мне».

Берроуз честно выполняет свое обещание – многие даже более одаренные писатели на это не способны.

Даже в самом интеллигентном и терпеливом читателе сидит порок, заставляющий всех, в том числе и замечательных писателей, скрежетать зубами: за исключением трех небольших групп людей никто не читает авторского предисловия. Вот исключения: во-первых, близкие родственники писателя (обычно жена и мать); во-вторых, официальные представители писателя (издательские люди, а также разного рода зануды), для которых главное – это убедиться,

²⁰ Элиот, Томас Стерн (1888–1965) – американский поэт, литературный критик, культуролог, лауреат Нобелевской премии по литературе (1948). Секстон, Энн (1828–1974) – американская поэтесса, символика.

²¹ Берроуз, Эдгар Райс (1875–1950) – американский писатель, автор фантастических и приключенческих романов.

не оклеветал ли кого-нибудь писатель во время своих скитаний по бурным волнам литературы. И, наконец, люди, которые тем или иным образом помогали писателю. Эти последние хотят знать, не слишком ли много возомнил о себе писатель и не забыл ли случайно, что не один он приложил руку к данному творению.

Остальные же читатели вполне справедливо полагают, что предисловие автора есть не что иное, как большой обман, многостраничная расцвеченная реклама самого себя, еще более назойливая и оскорбительная, чем вставки с рекламой различных сортов сигарет, на которые натыкаешься в середине книжонок в бумажных обложках. Ведь по большей своей части читатели явились посмотреть представление, а не любоваться режиссером, раскланивающимся в свете рампы. И они снова правы.

Итак, позвольте мне откланяться. Скоро начнется представление. И мы войдем в комнату и прикоснемся рукой к укутанному в простыню телу. Но перед тем как распрощаться, я хотел бы отнять у вас еще две-три минуты. И поблагодарить людей из трех вышеупомянутых групп, а также из еще одной, четвертой. Так что уж потерпите немного, пока я говорю эти свои «спасибо».

Спасибо моей жене Табите, лучшему и самому суровому моему критику. Когда ей нравится моя работа, она прямо так и говорит; когда чувствует, что меня, что называется, занесло, тактично и нежно опускает на землю. Спасибо моим детям, Наоми, Джо и Оуэну, которые с необыкновенным для их возраста пониманием и снисхождением относятся к странным занятиям своего папаши в кабинете внизу. Огромное спасибо моей матери, умершей в 1973 году, которой посвящается эта книга. Она всегда оказывала мне поддержку, всегда находила 40–50 центов, чтобы купить конверт, куда затем вкладывала второй, оплаченный и с ее адресом, чтобы избавить сына от излишних хлопот, когда он соберется ответить ей на письмо. И никто на свете, в том числе даже я сам, не радовался больше мамы, когда я, что называется, наконец прорвался.

Из представителей второй группы мне хотелось бы выразить особую благодарность моему издателю Уильяму Дж. Томпсону из «Даблдей энд компани», который был столь терпелив ко мне, который с таким добродушием и неизменной приветливостью отвечал на мои ежедневные настырные звонки. И который проявил такое внимание и доброту несколько лет тому назад к тогда еще неизвестному молодому писателю и не изменил своего отношения до сих пор.

В третью группу входят люди, впервые опубликовавшие мои работы. Это мистер Роберт Э. У. Лоундес, первым купивший у меня два рассказа; это мистер Дуглас Аллен и мистер Най Уиллден из «Дьюджент паблишинг корпорейшн», купившие целую кучу других рассказов, последовавших за публикациями в «Кавалер» и «Джент», – еще в те добрые старые и неторопливые времена, когда чеки приходили вовремя и помогали избежать неприятности, которую энергондзор стыдливо называет «временным прекращением обслуживания». Хочу также выразить благодарность Илейн Джейджер, Герберту Шнэллу, Кэролайн Стромберг из «Нью америкен лайбрери»; Джерарду Ван дер Льюну из «Пентхауса» и Гаррису Дейнстфри из «Космополитена». Спасибо вам всем.

И, наконец, последняя группа людей, которых бы мне хотелось поблагодарить. Всех вместе и каждого своего читателя в отдельности, не побоявшихся облегчить свой кошелек и купить хотя бы одну из моих книг. Если подумать как следует, то я прежде всего обязан этим людям. Ведь и этой книги без вас не было бы. Огромное спасибо.

Итак, на улице по-прежнему темно и моросит дождь. Но нас ждет увлекательная ночь. Потому как я собираюсь показать вам кое-что. А вы сможете потрогать. Это находится совсем неподалеку, в соседней комнате... Вернее, даже ближе, прямо на следующей странице.

Так в путь?..

*Бриджстон, штат Мэн
27 февраля 1977*

Иерусалемов Удел

22

2 октября 1850 г.

Дорогой мой Доходяга!

До чего же славно было вступить под промозглые, насквозь продуваемые своды Чейпелуэйта – когда после тряски в треклятой карете ноет каждая косточка, а раздувшийся мочевой пузырь требует немедленного облегчения, – и обнаружить у двери на фривольном столике вишневого дерева письмо, написанное твоими неподражаемыми каракулями! Даже не сомневайся, что я принялся их разбирать, едва позаботился о нуждах тела (в вычурно изукрашенной холодной уборной на первом этаже, где дыхание мое облачком повисало в воздухе).

Счастлив слышать, что легкие твои очистились от застарелых миазмов, и уверяю, что сочувствую твоей моральной дилемме – как следствию излечения. Недужный аболиционист, исцеленный под солнцем Флориды, этого оплота рабства! Тем не менее, Доходяга, прошу тебя как друг, тоже побывавший в долине теней, – позаботиться о себе хорошенько и не смей возвращаться в Массачусетс, пока организм тебе не позволит. Что нам толку в твоём тонком уме и ядовитом пере, коли тело твоё обратится во прах; и если южные области для тебя благотворны – есть в этом некая высшая справедливость.

Да, особняк и впрямь роскошен – в точности таков, как убеждали меня душеприказчики моего кузена, – хотя и гораздо более зловец. Стоит он на громадном мысе милях в трех к северу от Фалмута и в девяти милях к северу от Портленда. Позади него – около четырех акров земли, где царит живописнейшее запустение: тут тебе и можжевельники, и дикий виноград, и кустарники, и всевозможные выюны захлестывают каменные изгороди, отделяющие усадьбу от городских владений. Кошмарные копии греческих статуй слепо плятятся сквозь обломки и мусор с вершины каждого холмика – того и гляди набросятся на одинокого путника, судя по их виду. Вкусы моего кузена Стивена, похоже, варьировались в самом широком диапазоне – от неприемлемого до откровенно кошмарного. Есть тут одна странноватая беседка, почти утонувшая в зарослях алого сумаха, и гротескные солнечные часы посреди того, что в прошлом, верно, было садом. Этакий завершающий сумасшедший штрих.

Но вид из гостиной с лихвой искупает все: глазам моим открывается головокружительное зрелище – скалы у подножия мыса Чейпелуэйт и самой Атлантики! На всю эту красоту выходит гигантское пузатое окно с выступом, а под ним притулился огромный, похожий на жабу секретер. А ведь отличное начало для романа, о котором я так долго (и наверняка занудно) рассказывал.

Сегодня день выдался пасмурным; случается, что и дождик брызнет. Гляжу в окно – мир словно карандашный эскиз: и скалы, древние и истертые, как само Время, и небо, и, конечно же, море, что обрушивается на гранитные клыки внизу со звуком, который не столько шум, сколько вибрация – даже сейчас, вода пером по бумаге, я ощущаю под ногами колыхание волн. И чувство это не то чтобы неприятно.

Знаю, дорогой Доходяга, ты моего пристрастия к уединению не одобряешь, но уверяю тебя – я доволен и счастлив. Со мной Кэлвин, такой же практичный, молчаливый и надежный, как и всегда; уверен, что уже к середине недели мы с ним на пару приведем в порядок наши дела, договоримся о доставке всего необходимого из города – и залучим к себе отряд уборщиц для борьбы с пылью!

На сем заканчиваю – еще столько всего предстоит посмотреть, столько комнат исследовать – и не сомневаюсь, что для моих слабых глаз судьба заготовила с тысячу образчиков самой

²² Jerusalem's Lot. © 2014. С. Лихачева. Перевод с английского.

отвратительной мебели. Еще раз благодарю за письмо, от которого тотчас же повеяло чем-то родным и близким, – и за твои неизменные внимание и заботу.

Передавай привет жене; нежно люблю вас обоих,

Чарльз.

6 октября 1850 г.

Дорогой мой Доходяга!

Ну здесь и местечко!

Не перестаю на него удивляться – равно как и на реакцию обитателей ближайшей деревеньки по поводу моего приезда. Это своеобразное селение носит впечатляющее название Угол Проповедников. Именно здесь Кэлвин договорился о еженедельной доставке съестных припасов. Позаботился он и о второй нашей насущной потребности, а именно: о подвозе достаточного запаса дров на зиму. Однако ж вернулся Кэл с видом весьма удрученным, а когда я полюбопытствовал, что его гнетет, мрачно ответил:

– Они считают вас сумасшедшим, мистер Бун!

Я рассмеялся и предположил, что здешние жители, должно быть, прослышали, как я переболел воспалением мозга после смерти моей Сары – вне всякого сомнения, в ту пору я вел себя как безумный, чему ты безусловный свидетель.

Но Кэл уверял, что никто обо мне ничего не знает, кроме как через моего кузена Стивена, который договаривался о тех же самых услугах, насчет которых теперь распорядился я.

– Эти люди говорят, сэр, что всяк и каждый, кто поселится в Чейпелуэйте, либо сошел с ума, либо на верном пути к тому.

Можешь себе представить мое глубочайшее недоумение. Я осведомился, от кого именно исходит это потрясающее сообщение. Кэл ответил, что его направили к угрюмому и вечно пьяному лесорубу по имени Томпсон: он владеет четырьмястами акрами соснового, березового и елового леса и с помощью своих пяти сыновей заготавливает и продает древесину на фабрики в Портленд и домовладельцам округи.

Когда же Кэл, ведать не ведая о его странных предрассудках, дал Томпсону адрес, по которому следует доставить дрова, означенный Томпсон вытаращился на него, открыв рот, и наконец сказал, что пошлет с грузом сыновей, белым днем и по прибрежной дороге.

Кэлвин, по всей видимости, неправильно истолковал мою озадаченность и, решив, что я огорчен, поспешил добавить, что от лесоруба за версту несло дешевым виски и что он принялся молоть какую-то чушь про заброшенную деревню и родню кузена Стивена – и про червей! Кэлвин закончил деловые переговоры с одним из сыновей Томпсона – как я понял, этот угрюмый мужлан был тоже не слишком трезв и благоухал отнюдь не розами и лилиями. Я так понимаю, с похожей реакцией Кэл столкнулся и в Углу Проповедников, в сельском магазине, побеседовав с хозяином, хотя этот был скорее из породы сплетников.

Меня все это не слишком-то беспокоило. Все мы знаем: поселян хлебом не корми, дай разнообразить жизнь ароматами скандала да мифа, а бедолага Стивен и его ветвь семейства, надо думать, к тому весьма располагали. Как я объяснял Кэлу, человек, который разбился насмерть, свалившись едва ли не с собственного крыльца, неизбежно вызовет пересуды.

Сам дом не перестает меня изумлять. Двадцать три комнаты, Доходяга! От панелей на верхних этажах и от портретной галереи веет затхлостью, но разрушение их не коснулось. Войдя в спальню моего покойного кузена на верхнем этаже, я слышал, как за стеной возятся крысы – здоровущие, судя по звукам; прямо подумаешь, что это люди ходят. Не хотелось бы мне столкнуться с одной из таких тварей в темноте – да и при свете дня не хотелось бы, чего уж там. Однако ж я не заметил ни нор, ни помета. Странно.

В верхней галерее рядами висят скверные портреты в рамах, что, должно быть, целое состояние стоят. В некоторых прослеживается сходство со Стивеном – таким, как я его запом-

нил. Надеюсь, я правильно опознал дядю Генри Буна и его жену Джудит; прочие мне незнакомы. Надо думать, один из них – мой печально известный дед Роберт. Но семейная ветвь Стивена мне совсем неизвестна, о чем я искренне жалею. В этих портретах, пусть и не самого лучшего качества, сияет та же добродушная ирония, которой искрились письма Стивена к нам с Сарой, тот же светлый ум. До чего же глупы эти семейные ссоры! Обшаренный ящик письменного стола, несколько резких слов между братьями, которые вот уже три поколения как в могиле, – и ни в чем не повинные потомки безо всякой нужды разлучены друг с другом. Не могу не задуматься о том, как же мне повезло, что вы с Джоном Питти сумели связаться со Стивеном, когда уже казалось, что я отправлюсь вслед за Сарой под своды Врат, и как же досадно, что несчастный случай лишил нас возможности встретиться лицом к лицу. Многое бы отдал, чтобы послушать, как он станет защищать наследное достояние – эти жуткие скульптуры и мебель!

Но полно мне чернить усадьбу. Вкусы Стивена моим не созвучны, что правда, то правда, но под внешним лоском всех этих нововведений и дополнений встречаются подлинные шедевры (изрядное их количество зачехлено в верхних покоях). Это и столы, и кровати, и тяжелые темные витые орнаменты из тикового и красного дерева; многие спальни и парадные комнаты, верхний кабинет и малая гостиная заключают в себе своеобразное мрачное очарование. Богатый сосновый паркет словно лучится внутренним тайным светом. Ощущается во всем этом спокойное достоинство; достоинство – и бремя лет. Пока еще не могу сказать, что внутреннее убранство мне нравится – но почтение вызывает. Любопытно посмотреть, как все станет преображаться вместе со сменой времен года в этом северном климате.

Надо же, как я разошелся-то! Жду ответа, Доходяга, – и поскорее! Пиши, как ты поправляешься, что нового у Питти и остальных. И, умоляю, не совершай ошибки и не пытайся навязывать свои взгляды новым южным знакомым *чересчур настойчиво* – я так понимаю, кое-кто из них может одними словами не ограничиться, не то что наш велеречивый друг мистер Колхаун.

Твой любящий друг

Чарльз.

16 октября 1850 г.

Дорогой Ричард!

Здравствуй-здравствуй, как живешь-поживаешь? С тех пор как я поселился здесь, в Чейпелуэйте, я частенько о тебе думаю и уже надеялся и письмо от тебя получить – и тут вдруг пишет мне Доходяга и сообщает, что я позабыл оставить свой адрес в клубе! Но будь уверен, я бы в любом случае написал рано или поздно: порою мне кажется, что мои верные и преданные друзья – вот и все, что осталось в мире надежного и здорового. И, Господи милосердный, как же нас раскидало по свету! Ты – в Бостоне, исправно строчишь статьи для «Либерейтора» (кстати, им я тоже свой адрес послал), Хэнсон в очередной раз укатил развлекаться в Англию, будь он неладен, а бедный старина Доходяга лечит легкие в самом что ни на есть *логове льва*.

У меня тут все относительно неплохо, и будь уверен, Дик, я вышлю тебе подробнейший отчет, как только разберусь с кое-какими докучными событиями – думается, некоторые происшествия здесь, в Чейпелуэйте, и в окрестностях тебя изрядно заинтригуют – с твоим-то цепким умом юриста.

А между тем хочу попросить тебя о небольшом одолжении, если ты не против. Помнишь, на благотворительном обеде у мистера Клэри в поддержку общего дела ты мне представил некоего историка? Кажется, его Бигелоу звали. Как бы то ни было, он упомянул, что собирает разрозненные исторические сведения о той самой области, где я ныне живу: дескать, хобби у него такое. Так вот, моя нижайшая просьба: не свяжешься ли ты с ним и не спросишь ли, не известны ли ему хоть какие-нибудь факты, обрывки фольклора или *просто слухи* касательно крохотной покинутой деревушки под названием ИЕРУСАЛЕМОВ УДЕЛ близ горо-

дишки Угол Проповедников, на реке Ройял? Сама эта речушка является притоком Андро-скоггина и воссоединяется с ним примерно одиннадцатью милями выше места впадения реки в море близ Чейпелуэйта. Я буду безмерно тебе благодарен; более того, вопрос этот, по всей видимости, очень важен.

Перечитал письмо; кажется, получилось и впрямь слишком коротко, о чем я искренне жалею. Но будь уверен, вскоре я все объясню, а до тех пор шлю самый теплый привет твоей супруге, обоим замечательным сыновьям и, конечно же, тебе самому.

Твой любящий друг

Чарльз.

16 октября 1850 г.

Дорогой мой Доходяга!

Расскажу тебе одну историю – нам с Кэлом она показалась несколько странной (и даже тревожной); посмотрим, что ты скажешь. По крайней мере она тебя поразвлечет, пока ты там с москитами сражаешься!

Два дня спустя после того, как я отправил тебе свое предыдущее письмо, из Угла прибыла группка из четырех молодых барышень под надзором почтенной матроны устрашающе компетентного вида с именем миссис Клорис – дабы привести дом в порядок и побороться с пылью, от которой я чихал едва ли не на каждом шагу. Они взялись за работу: причем все явно слегка нервничали. Одна трепетная мисс, прибиравшаяся в верхней гостиной, даже взвизгнула, когда я неожиданно вошел в дверь.

Я спросил миссис Клорис, отчего все так (она обметала пыль в прихожей на нижнем этаже: волосы забраны под старый выгоревший платок, весь облик дышит непреклонной решимостью – ты бы ее видел!). Она развернулась ко мне и решительно объявила:

– Им не по душе этот дом, и мне тоже не по душе этот дом, сэр, потому что *дурное* это место, и так было всегда.

У меня просто челюсть отвисла от неожиданности. А миссис Клорис продолжила, уже мягче:

– Ничего не хочу сказать про Стивена Буна – достойный был джентльмен, что правда, то правда; я приходила к нему прибираться каждый второй четверг все то время, что он здесь прожил; и на его отца, мистера Рандольфа Буна, я тоже работала, до тех пор, пока они с женой не пропали бесследно в одна тысяча восемьсот шестнадцатом году. Мистер Стивен был человек хороший и добрый, вот и вы таким кажетесь, сэр (простите мне мою прямооту, я по-другому говорить не научена), но дом этот – дурное место, и всегда так было, и никто из Бунов не был здесь счастлив с тех самых пор, как ваш дед Роберт и его брат Филип рассорились из-за украденных (здесь она виновато помолчала) вещей в тысяча семьсот восемьдесят девятом году.

Ну и память у этих поселян, а, Доходяга?

А миссис Клорис между тем продолжала:

– Этот дом был построен в несчастье, несчастье обосновалось в нем, полы его запятнаны кровью, – (а как ты, Доходяга, возможно, знаешь, мой дядя Рандольф был каким-то образом причастен к трагическому эпизоду на подвальной лестнице, в результате которого погибла его дочь Марселла; в приступе раскаяния он покончил с собой. Стивен рассказывает об этой беде в одном из своих писем ко мне, в связи с печальным поводом – в день рождения своей покойной сестры), – здесь пропадали люди и приключалось непоправимое.

Я здесь работаю, мистер Бун, а я не слепа и не глуха. Я слышу жуткие звуки в стенах, сэр, воистину жуткие – глухой стук, и грохот, и треск, и один раз – странные причитания, переходящие в хохот. У меня просто кровь застыла в жилах. Темное это место, сэр.

И тут миссис Клорис прикусила язык, как будто испугавшись, что выболтала лишнее.

Что до меня, я даже не знал, обижаться ли или смеяться, изобразить любопытство или прозаичное безразличие. Боюсь, победила ирония.

– А вы как себе это объясняете, миссис Клорис? Никак, призраки цепями гремят?

Но она лишь посмотрела на меня как-то странно.

– Может, и призраки тут есть. Да только не в стенах. Не призраки это стонут и плачут, точно проклятые, и гремят и бродят, спотыкаясь, впотьмах. Это...

– Ну же, миссис Клорис, – подзуживал ее я. – Вы и без того многое сказали. Осталось лишь закончить то, что вы начали!

В лице ее отразилось престранное выражение ужаса, досады, и – я готов в этом поклясться! – благоговейной набожности.

– Некоторые – не умирают, – прошептала она. – Некоторые живут в сумеречной тени между мирами и служат – Ему!

И это было все. Еще несколько минут я забрасывал ее вопросами, но миссис Клорис продолжала упорствовать, и я из нее более ни слова не вытянул. Наконец я отступился – опасаясь, что она, чего доброго, возьмет да и откажется от работы.

На этом первый эпизод закончился, но тем же вечером приключился второй. Кэлвин растопил внизу камин, и я сидел в гостиной, задремывая над свежим номером «Интеллигенсера» и прислушиваясь, как под порывами ветра дождь хлещет по огромному выступающему окну. Столь уютно ощущаешь себя только в такие ночи, когда снаружи – ужас что такое, а внутри – сплошь тепло и покой. Но мгновение спустя в дверях появился взволнованный Кэлвин: ему, похоже, было слегка не по себе.

– Вы не спите, сэр? – спросил он.

– Не то чтобы, – отозвался я. – Что там такое?

– Я тут обнаружил кое-что наверху – думается, вам тоже стоит взглянуть, – отвечал он, с трудом сдерживая возбуждение.

Я встал и пошел за ним. Поднимаясь по широким ступеням, Кэлвин рассказывал:

– Я читал книгу в кабинете наверху – довольно-таки странную, надо признаться, – как вдруг услышал какой-то шум в стене.

– Крысы, – отмахнулся я. – И это все?

Кэлвин остановился на лестничной площадке и очень серьезно воззрился на меня. Лампа в его руке роняла причудливые, крадущиеся тени на темные драпировки и смутно различаемые портреты: сейчас они скорее злобно скалились, нежели улыбались. Снаружи пронзительно взвыл ветер – и снова неохотно поприших.

– Нет, не крысы, – покачал головой Кэл. – Сперва за книжными шкафами послышалось что-то вроде глухого, беспорядочного стука, а затем кошмарное бульканье – просто кошмарное, сэр! И – царапанье, как будто кто-то пытается выбраться наружу... и добраться до меня!

Вообрази мое изумление, Доходяга. Кэлвин – не из тех, кто впадает в истерику и идет на поводу у разыгравшегося воображения. Похоже, здесь и впрямь есть какая-то тайна – и, возможно, неаппетитная.

– А потом что? – полюбопытствовал я. Мы прошли вниз по коридору: из кабинета на пол картинной галереи струился свет. Я опасливо поежился: в ночи вдруг разом стало крайне неуютно.

– Царапанье смолкло. Спустя мгновение топот и шарканье послышались снова, но теперь они удалялись. В какой-то миг наступила недолгая пауза – и клянусь вам, что слышал странный, почти невнятный смех! Я подошел к книжному шкафу и кое-как его сдвинул, полагая, что за ним, быть может, обнаружится перегородка или потайная дверца.

– И что, обнаружились?

Кэл замешкался на пороге.

– Нет – зато я нашел вот это!

Мы вошли внутрь: в левом шкафу зияла прямоугольная черная дыра. В этом месте книги оказались всего-навсего муляжами: Кэл отыскал небольшой тайник. Я посветил в дыру: ничего. Только густой слой пыли – накопившийся, верно, за много десятилетий.

– Там нашлось вот что, – тихо проговорил Кэл и вручил мне пожелтевший лист бумаги. Это была карта, прорисованная тонкими, как паутинка, штрихами черных чернил: карта города или деревни. Зданий семь, не больше; под одним из них, с четко различимой колокольной, было подписано: «Червь Растлевающий».

В верхнем левом углу – в северо-западном направлении от деревушки – обнаружилась стрелочка. Под ней значилось: «Чейпелуэйт».

– В городе, сэр, кто-то суеверно упомянул покинутую деревню под названием Иерусалемов Удел, – промолвил Кэлвин. – От этого места принято держаться подальше.

– А это что? – полюбопытствовал я, ткнув пальцем в странную надпись под колокольной.

– Не знаю.

Мне тут же вспомнилась миссис Клорис, непреклонная – и вместе с тем напуганная до смерти.

– Червь, значит... – пробормотал я.

– Вам что-то известно, мистер Бун?

– Может быть. Было бы любопытно взглянуть на этот городишко завтра – как думаешь, Кэл?

Он кивнул; глаза его вспыхнули. Целый час убили мы на поиски хоть какой-нибудь брешки в стене за обнаруженным тайником; но так ничего и не нашли. Описанные Кэлом шумы тоже больше не повторялись.

В ту ночь никаких новых событий не последовало, и мы благополучно легли спать.

На следующее утро мы с Кэлвином отправились на прогулку через лес. Ночной дождь стих, но небо было пасмурным и хмурым. Кэл поглядывал на меня с некоторым сомнением, и я поспешил его заверить: если я устану или если путь окажется слишком далеким, мне ничто не помешает положить конец этой аванюре. Мы взяли с собой дорожный ланч, превосходный компас «Бакуайт» и, разумеется, причудливую старинную карту Иерусалемова Удела.

День выдался странным и тягостным: все птицы молчали, ни один лесной зверек не шуршал в кустах, пока мы пробирались через густые и мрачные сосновые перелески на юго-восток. Тишину нарушал только звук наших собственных шагов да размеренный плеск валов Атлантического океана о скалы мыса. И всю дорогу нас сопровождал до странности тяжелый запах моря.

Прошли мы не больше двух миль, когда нежданнонегаданно обнаружили заросшую дорогу (такие, если я не ошибаюсь, некогда называли «лежневыми»), что вела в нашем направлении. Мы зашагали по ней – и довольно быстро. Оба по большей части помалкивали. Этот день, с его недвижимой, зловещей атмосферой, действовал на нас угнетающе.

Около одиннадцати мы услышали шум бегущей воды. Дорога резко свернула налево – и на другом берегу бурлящей, синевато-серой, под цвет сланца, речушки глазам нашим, точно мираж, открылся Иерусалемов Удел!

Через речушку футов восемь в ширину были перекинuty заросшие мхом мостки. На другой стороне, Доходяга, стояла очаровательная маленькая деревенька – просто-таки само совершенство! Ветра и дожди, понятное дело, не прошли для нее бесследно – и все же сохранилась она на диво хорошо. У крутого обрыва над рекой сгрудилось несколько домов в строгом и вместе с тем величавом стиле, которым по праву славятся пуритане. Еще дальше, вдоль заросшей сорняками главной улицы, выстроились три-четыре торговые лавки и мастерские, а за ними к серому небу вздымался шпиль церкви, обозначенной на карте. Смотрелся он неопишимо зловеще – краска облупилась, крест потускнел и покосился.

– Как подходит к этому городишке его название, – тихо проговорил Кэл рядом со мной.

Мы перешли ручей, вошли в поселение и приступили к осмотру. И вот тут-то, Доходяга, начинается самое необычное – так что готовься!

Мы прошли между домами: воздух здесь словно свинцом налился – тяжелый, вязкий, гнетущий. Дома пришли в упадок – ставни сорваны, крыши просели под тяжестью зимних снегопадов, запыленные окна недобро ухмыляются. Тени неуместных углов и искривленных плоскостей словно бы растекались зловещими лужами.

Первым делом мы вошли в старую прогнившую таверну – отчего-то мы посчитали неловким вторгаться в один из жилых домов, где хозяева их когда-то искали уединения. Ветхая, выскобленная непогодой вывеска над щелястой дверью возвещала, что здесь некогда находился «Постоялый двор и трактир “Кабанья голова”». Дверь, повисшая на одной-единственной петле, адски заскрипела; мы нырнули в полутьму. Затхлый, гнилостный запах повисал в воздухе – я едва сознания не лишился. А сквозь него словно бы пробивался дух еще более густой: тлетворный, могильный смрад, смрад веков и векового распада. Такое зловоние поднимается из разложившихся гробов и оскверненных могил. Я прижал к носу платок; Кэл последовал моему примеру. Мы оглядели залу.

– Господи, сэр... – слабо выдохнул Кэл.

– Тут все осталось нетронутым, – закончил фразу я. И в самом деле так. Столы и стулья стояли на своих местах, точно призрачные часовые на страже: они насквозь пропылились и покособились из-за резких перепадов температуры, которыми так славится климат Новой Англии, но в остальном прекрасно сохранились. Они словно ждали на протяжении безмолвных, гулких десятилетий, чтобы давным-давно ушедшие вновь переступили порог, заказали пинту пива или чего покрепче, перекинулись в картишки, закурили глиняные трубки. Рядом с правилами трактира висело небольшое квадратное зеркало – причем неразбитое! Ты понимаешь, Доходяга, что это значит? Мальчишки – народ вездесущий, и от природы – неисправимые хулиганы; нет такого «дома с привидениями», в котором не перебили бы всех окон, какие бы уж жуткие слухи ни ходили о его сверхъестественных обитателях; нет такого кладбища, самого что ни на есть мрачного, где бы малолетние негодники не опрокинули хотя бы одного надгробия. Не может того быть, чтобы в Углу Проповедников (а до него от Иерусалемова Удела меньше двух миль) не набралось с десятков озорников. И однако ж стекло и хрусталь (что, верно, обошлись трактирщику в кругленькую сумму) стояли целые и невредимые, равно как и прочие хрупкие вещицы, обнаруженные нами при осмотре. Если кто и причинил какой-то ущерб Иерусалемову Уделу – так только безликая Природа. Вывод напрашивается сам собою: Иерусалемова Удела все сторонятся. Но почему? У меня есть некая догадка, но прежде чем я на нее хотя бы намекну, я должен поведать о пугающем завершении нашего визита.

Мы поднялись в жилые номера: постели застелены, рядом аккуратно поставлены оловянные кувшины для воды. В кухне тоже никто ни к чему не прикасался: все поверхности покрывала многолетняя пыль да в воздухе разливался гнусный, давящий запах тления. Одна только таверна показалась бы антиквару – раем; одна только диковинная кухонная плита на Бостонском аукционе принесла бы немалые деньги.

– Что думаешь, Кэл? – спросил я, когда мы наконец вышли в неверный свет дня.

– Думаю, не к добру это все, мистер Бун, – отозвался он меланхолично. – Чтобы узнать больше, нужно больше увидеть.

Прочие заведения мы осматривать толком не стали. Была там гостиница – на проржавевших гвоздях до сих пор висели истлевшие кожаные сбруи; была мелочная лавка, и склад (внутри и по сей день высились штабеля дубовых и еловых бревен), и кузница.

По пути к церкви, что высилась в центре деревни, мы заглянули в два жилых дома. Оба оказались выдержаны в безупречном пуританском стиле, оба – битком набиты предметами антиквариата, за которые любой коллекционер руку отдал бы, оба – покинуты и насквозь пропитаны той же гнилостной вонью.

Казалось, в деревне не осталось ничего живого, кроме нас. Никакого движения. Глаз не различал ни насекомых, ни птиц, ни даже паутины в углу окна. Только пыль.

Наконец мы дошли до церкви. Мрачное, враждебное, холодное здание нависало над нами. Окна казались черны, ибо внутри царила тьма; вся святость, вся благодать давным-давно покинули эти стены. Тут я поручусь. Мы поднялись по ступеням, я взялся за массивную железную дверную скобу. Мы с Кэлом обменялись решительными, угрюмыми взглядами. Я открыл дверь – интересно, когда к ней в последний раз прикасались? Я бы сказал с уверенностью, что моя рука была первой за пятьдесят лет, а может, и дольше. Забитые ржавчиной петли жалобно завизжали. Запах гниения и распада, захлестнувший нас, казался почти осязаемым. Кэл подавил рвотный рефлекс и непроизвольно отвернулся навстречу свежему воздуху.

– Сэр, – спросил он, – вы уверены, что?..

– Я в полном порядке, – невозмутимо заверил я. Вот только спокойствие это было напускное: чувствовал я себя не лучше, чем сейчас. Я верю, заодно с Моисеем, с Иеровоамом, с Инкризом Мэзером²³ и нашим дорогим Хэнсоном (когда он впадает в философский *настрой*), что существуют духовно тлетворные места и здания, где даже млеко космоса скисает и прогоркает. Готов поклясться, что эта церковь – как раз такое место.

Мы вошли в длинную прихожую, оснащенную пыльной вешалкой и полкой со сборниками гимнов. Окон там не было. Ничем не примечательное помещение, подумал я и тут услышал, как Кэл резко охнул – и увидел то, что он заметил раньше меня.

Какое непотребство!

Подробно описать оправленную в эффектную раму картину я не дерзну: скажу лишь, что этот гротескный шарж на Мадонну с Младенцем был написан в смачночувственном стиле Рубенса, а на заднем плане резвились и ползали странные, полускрытые в тени твари.

– Боже, – выдохнул я.

– Бога здесь нет, – отозвался Кэлвин, и слова его словно повисли в воздухе. Я открыл дверь, ведущую внутрь храма, – и новая волна ядовитых миазмов захлестнула меня так, что я чуть не лишился чувств.

В мерцающем полусвете полуденного солнца призрачные ряды церковных скамей протянулись до самого алтаря. Над ними воздвиглась высокая дубовая кафедра и тонул в тени притвор, где посверкивал золотой отблеск.

Сдавленно всхлипнув, набожный протестант Кэлвин осенил себя крестным знамением, я последовал его примеру. Ибо золотом поблескивал массивный, тонкой работы крест – но висел он в перевернутом положении – как символ сатанинской мессы.

– Спокойствие, только спокойствие, – услышал я себя словно со стороны. – Спокойствие, Кэлвин. Только спокойствие.

Но тень уже легла мне на сердце: мне было страшно так, как никогда в жизни. Я уже прошел под покровом смерти и думал, что ничего темнее нет и быть не может. Есть, Доходяга. Еще как есть.

Мы прошли через весь неф; эхо наших шагов отражалось от стен и сводов. В пыли оставались наши следы. А на алтаре обнаружили и другие темные «предметы искусства». Не буду, не стану вспоминать о них – никогда, ни за что!

Я решил подняться на самую кафедру.

– Не надо, мистер Бун! – внезапно вскрикнул Кэл. – Мне страшно.

Но я уже стоял наверху. На пюпитре лежала громадная открытая книга – с текстами на латыни и тут же – неразборчивые руны (на мой неискушенный взгляд, не то друидические, не

²³ Мэзер, Инкриз (1639–1723) – пуританский священник, сыграл значимую роль в управлении британской колонией Масачусетского залива и, в частности, в знаменитом процессе «Сейлемских ведьм».

то докельтские письмена). Прилагаю открытку с изображением некоторых из этих символов, перерисованных по памяти.

Я закрыл книгу и вгляделся в название, вытисненное на коже: «De Vermis Mysteriis». Латынь я изрядно подзабыл, но на то, чтобы перевести эти несколько слов, познаний моих вполне хватило: «Мистерии Червя».

Но стоило мне прикоснуться к книге, как и проклятая церковь, и побелевшее, запрокинутое лицо Кэлвина словно поплыли у меня перед глазами. Мне померещилось, будто я слышу негромкие напевные голоса, исполненные жуткого и вместе с тем жадного страха – а за этим звуком еще один, новый, заполнил собою недра земли. Наверняка это была галлюцинация – но в тот же самый миг церковь содрогнулась от шума вполне реального: не могу описать его иначе как колоссальное и кошмарное вращение у меня под ногами. Кафедра завибрировала у меня под пальцами, и на стене задрожал поруганный крест.

Мы переступили порог вместе, Кэл и я, оставив церковь погруженной во тьму, и ни один из нас не дерзнул обернуться, пока мы не пересекли по грубым доскам бурлящий ручей. Не скажу, что мы опорочили те девятнадцать сотен лет, в течение которых человек уходил все выше и дальше от сгорбленного, суеверного дикаря, – и сорвались на бег, но сказать, что мы прогуливались неспешным шагом – значит, бессовестно солгать.

Вот такова моя история. Не вздумай только омрачать свое выздоровление опасениями, что у меня опять мозг воспалился: Кэл засвидетельствует, что все эти записи – чистая правда, вплоть до кошмарного шума (и включая и его тоже).

На сем заканчиваю, добавив лишь, что очень хочу тебя увидеть (зная, что недоумение твое тут же бы и развеялось), и остаюсь твоим другом и почитателем,

Чарльз.

17 октября 1850 г.

Уважаемые господа!

В последнем издании вашего каталога хозяйственных товаров (лето 1850 года) я обнаружил препарат, поименованный как «Крысиная отравка». Мне желательно приобрести одну (1) пятифунтовую банку по оговоренной цене в тридцать центов (\$0.30). Стоимость пересылки прилагается. Прошу направить посылку по следующему адресу: Кэлвину Макканну, Чейпелу-эйт, Угол Проповедников, округ Камберленд, штат Мэн.

Заранее благодарен за содействие,
Засим остаюсь, ваш покорный слуга

Кэлвин Макканн.

19 октября 1850 г.

Дорогой мой Доходяга!

События принимают пугающий оборот.

Шумы в доме усилились, и я все больше прихожу к выводу, что внутри стен возятся не только крысы. Мы с Кэлвином еще раз внимательно все осмотрели на предмет потайных щелей или лазов – но так ничего и не нашли. Не годимся мы в герои романов миссис Радклифф²⁴! Кэл, впрочем, уверяет, будто шум доносится главным образом из подвала, и мы намерены исследовать его завтра. От осознания, что именно там нашла свою гибель злополучная сестра кузена Стивена, на душе отчего-то спокойнее не делается.

Между прочим, портрет ее висит в верхней галерее. Марселла Бун была красива особой, печальной красотой, если, конечно, художник придерживался жизненной правды; мне известно, что замуж она так и не вышла. Порою мне начинает казаться, что миссис Клорис

²⁴ Радклифф, Анна (1764–1823) – английская романистка, одна из основательниц так называемого «романа ужасов», или готического романа.

права: дом этот – дурное место. Во всяком случае, всем своим бывшим обитателям он не приносил ничего, кроме горя.

Однако ж мне есть что рассказать о внушительной миссис Клорис: сегодня я имел с ней вторую беседу, ибо особы более рассудительной, чем она, в Углу Проповедников я до сих пор не встречал. Во второй половине дня я отправился напрямик к ней – после пренеприятной беседы, которую сейчас перескажу.

Дрова должны были доставить сегодня утром; но вот настал и минул полдень, никаких дров так и не привезли, и, выйдя на ежедневную прогулку, я направил стопы свои в сторону города. Я вознамерился навестить Томпсона – того самого лесоруба, с которым договаривался Кэл.

Денек выдался отменный, бодрящий морозцем погожей осени; заходя на двор к Томпсонам (Кэл, который остался дома – покопаться в библиотеке дяди Стивена, снабдил меня точными указаниями насчет дороги), я пребывал в превосходнейшем настроении (впервые за последние дни) и уже готов был милостиво простить Томпсону задержку с дровами.

Двор заплотнили сорняки и загромождали обшарпанные строения, явно нуждающиеся в покраске. Слева от сарая жирная свинья, в самый раз для ноябрьского забоя, похрюкивая, валялась в грязи. На замусоренной площадке между домом и надворными службами какая-то женщина в истрепанном клетчатом платье кормила кур из передника. Я поздоровался; она обернулась. Лицо ее было бледным и невыразительным.

Тем страшнее было наблюдать, как в лице этом тупая апатия внезапно сменилась паническим ужасом. Могу лишь предположить, что она приняла меня за Стивена: она сложила пальцы в знак, ограждающий от сглаза, и пронзительно завизжала. Корм для кур разлетелся во все стороны, птицы с кудахтаньем бросились прочь.

Не успел я и слова произнести, как из дома вывалился неуклюжий здоровяк в одном лишь нижнем белье не первой свежести, с винтовкой в одной руке и кувшином – в другой. По красному отблеску в глазах и нетвердой походке я заключил, что передо мной – Томпсон Лесоруб собственной персоной.

– Бун! – взревел он. – Ч-рт раздери твои глаза! – Он выронил кувшин на землю и, в свою очередь, осенил себя знаком против сглаза.

– Дров так и нет, поэтому пришел я, – сообщил я так безмятежно, как только позволяли обстоятельства. – Между тем согласно договоренности с моим слугой...

– Ч-рт раздери вашего слугу, вот что я вам скажу! – Только сейчас я заметил, что, невзирая на всю свою грозную браваду, он сам смертельно напуган. Я всерьез забеспокоился, как бы ему сгоряча не пришло в голову палить в меня из винтовки.

– В качестве жеста вежливости вы могли бы. – осторожно начал я.

– Ч-рт раздери вашу вежливость!

– Что ж, как скажете, – проговорил я, пытаясь сохранить остатки достоинства. – На сем прощаюсь с вами до тех пор, пока вы не научитесь лучше владеть собою. – С этими словами я развернулся и зашагал вниз по дороге к деревне.

– И чтоб духу вашего больше тут не было! – заорал он мне вслед. – Сидите в своем нечистом гнезде – и носа оттуда не кажите! Все вы там прокляты! Прокляты! Прокляты!

Томпсон швырнул в меня камень – и попал в плечо. Уворачиваться я не стал, решив не доставлять ему такого удовольствия.

Так что я отправился к миссис Клорис, вознамерившись хотя бы разгадать тайну враждебности Томпсона. Она – вдова (и вот только не вздумай тут разыгрывать сваху, Доходяга! Она меня лет на пятнадцать старше, а мне-то уже за сорок!), живет одна в прелестном домике на самом берегу океана. Я застал почтенную даму за развешиванием постиранного белья; она мне, по всей видимости, искренне обрадовалась. Я облегченно выдохнул: не то слово, как досадно, когда тебя в силу непонятной причины объявляют изгоем.

– Мистер Бун! – воскликнула она, полуприседая в реверансе. – Если вы насчет стирки, так я с прошлого сентября ничего уже не беру. Я и со своим-то бельем с трудом справляюсь – при моем-то ревматизме!

– Хотел бы я, миссис Клорис, чтобы речь и впрямь шла о стирке! Но нет: я пришел просить о помощи. Мне необходимо знать все, что вы можете рассказать мне про Чейпелуэйт и Иерусалемов Удел, и почему местные жители смотрят на меня с подозрением и страхом!

– Иерусалемов Удел! Так вы о нем знаете!

– Да, – подтвердил я. – Мы с моим слугой побывали там неделю назад.

– Господи! – Женщина побелела как молоко и пошатнулась. Я протянул руку поддержать ее. Глаза ее кошмарно закатились, на миг мне померещилось, что она того и гляди потеряет сознание.

– Миссис Клорис, мне страшно жаль, если я сказал что-то не то.

– Пойдемте в дом, – пригласила она. – Вы должны узнать все. Господи милосердный, опять недобрые дни грядут!

Больше из нее ни слова вытянуть не удалось, пока она не заварила крепкого чая в своей солнечной кухоньке. Налив нам по чашке, она какое-то время задумчиво глядела на океан. Ее глаза и мои неизбежно обращались к выступающему гребню мыса Чейпелуэйт, где над водой вознеслась усадьба. Громадное окно с выступом искрилось в лучах заходящего солнца точно бриллиант. Роскошный был вид – но ощущалось в нем нечто тревожное. Миссис Клорис внезапно обернулась ко мне и исступленно заявила:

– Мистер Бун, вам нужно немедленно уезжать из Чейпелуэйта!

Ее слова поразили меня как удар грома.

– В воздухе ощущается тлетворное дыхание с тех самых пор, как вы поселились в усадьбе. Последняя неделя – с тех пор как вы переступили порог проклятого дома – богата недобрыми приметами и знамениями. Нимб вокруг луны, стаи козодоев, что гнездятся на кладбищах, необычные роды. Вы *должны* уехать!

– Но, миссис Клорис, вы же не можете не понимать, что все это – только иллюзии. Вы сами это знаете, – как можно мягче проговорил я, едва ко мне вернулся дар речи.

– Барбара Браун родила безглазого младенца – и это, по-вашему, иллюзия? А Клифтон Брокетт обнаружил в лесу за Чейпелуэйтом вытоптанную тропинку пяти футов в ширину, где все пожухло и побелело, – это тоже иллюзия? А вы, вы же побывали в Иерусалемовом Уделе – вы можете сказать, положила руку на сердце, что там и впрямь ничто не живет?

Я не нашелся с ответом: образ страшной церкви вновь замаячил у меня перед глазами.

Миссис Клорис до боли стиснула узловатые пальцы, пытаясь успокоиться.

– Я знаю обо всем об этом только от матери и от бабушки. А вам известна ли история вашей семьи в том, что касается Чейпелуэйта?

– Довольно смутно, – сознался я. – С тысяча семьсот восьмидесятых годов усадьба принадлежала ветви Филипа Буна; его брат Роберт, мой дед, после ссоры из-за украденных бумаг обосновался в Массачусетсе. О линии Филипа мне известно мало сверх того, что злой рок словно нависает над его родом, передается по наследству от отца к сыну и к внукам: Марселла погибла в результате несчастного случая, Стивен расшибся насмерть. Именно таково было желание Стивена: чтобы Чейпелуэйт отошел мне и моей родне, а раскол в семье наконец-то удалось преодолеть.

– Не бывать тому! – прошептала миссис Клорис. – Вы ничего не знаете о причинах той роковой ссоры?

– Роберт Бун рылся в письменном столе брата: его за этим застали.

– Филип Бун был безумен, – отозвалась женщина. – Водил компанию с нечистым. Роберт Бун *попытался* изъять у него богохульную Библию, написанную на древних языках – на латыни, на друидическом наречии и на других тоже. Адская то книга.

– «De Vermis Mysteriis»?

Миссис Клорис отшатнулась, точно ее ударили.

– Вы и про нее знаете?

– Я ее видел. даже к ней прикасался. – Мне вновь показалось, что моя собеседница вот-вот потеряет сознание. Она зажала рот рукой, точно сдерживая готовый прорваться крик. – Да, в Иерусалемовом Уделе. На кафедре оскверненной и обезображенной церкви.

– Значит, книга все там. все еще там. – Женщина раскачивалась на стуле туда-сюда. – А я-то надеялась, что Господь в мудрости Своей бросил ее в бездны ада.

– А какое отношение имеет Филип Бун к Иерусалемову Уделу?

– Узы крови, – туманно пояснила миссис Клорис. – Печать Зверя была на нем, хотя ходил он в одеждах Агнца. В ночь тридцать первого октября тысяча семьсот восемьдесят девятого года Филип Бун исчез. и все население проклятой деревни с ним вместе.

Ничего больше она не добавила; собственно, ничего больше она и не знала. Она лишь снова и снова заклинала меня уехать, в качестве довода ссылаясь на то, что «кровь призывает кровь», и бормоча что-то вроде: «есть *наблюдатели*, а есть *стражи*». С наступлением сумерек хозяйка разволновалась не на шутку, и, чтобы ее задобрить, я пообещал уделить ее пожеланиям самое серьезное внимание.

Я шел домой сквозь сгущающиеся мрачные тени, от бывшего хорошего настроения ничего не осталось, в голове роились бесчисленные вопросы. Кэл встретил меня сообщением, что шум в стенах все нарастает – да я и сам сейчас могу это засвидетельствовать. Я внушаю себе, что это только крысы – но перед глазами у меня стоит перепуганное, серьезное лицо миссис Клорис.

Над морем встала луна – полная, распухшая, кроваво-алого цвета, запятнав океан ядовитыми оттенками и тонами. Мысли мои вновь и вновь обращаются к той церкви, и

(здесь строчка вычеркнута)

Нет, Доходяга, этого тебе видеть незачем. Сплошное безумие. Пожалуй, пора мне спать. Думаю о тебе.

С наилучшими пожеланиями,

Чарльз.

(Далее следуют выдержки из записной книжки Кэлвина Макканна.)

20 октября 1850 г.

Нынче утром взял на себя смелость взломать замок на книжке; проделал все до того, как мистер Бун встал. Все без толку; книга написана шифром. Наверняка несложным. Может, я и шифр расколю так же легко, как замок. Это, конечно же, дневник – почерк до странности похож на руку мистера Буна. Но чья это книга – запрятанная в самый дальний угол библиотеки, с замком на переплете? С виду старая, а там кто знает. Воздух-то между страниц не просачивался, с чего б им испортиться? Позже напишу подробнее, если успею; мистер Бун вознамерился осмотреть подвал. Боюсь, все эти ужасы его слабому здоровью не на пользу. Попытаюсь отговорить его...

Нет, идет.

20 октября 1850 г.

ДОХОДЯГА!

Не могу писать Немогу (так!) пока еще писать об этом Я я я

(Из записной книжки Кэлвина Макканна)

20 октября 1850 г.

Как я и опасался, его здоровье не выдержало.

Господи милосердный, Отче Наш, Сущий на Небесах!

Даже подумать не могу об этом, однако ж он врос в мой мозг, выжжен на нем как ферритипия, этот ужас в подвале!..

Я совсем один; на часах половина девятого; в доме тишина, и все же.

Обнаружил его в обмороке за письменным столом; он все еще спит; однако за эти несколько мгновений как благородно он себя повел – в то время как я застыл на месте словно громом пораженный, не в силах и пальцем пошевелить!

Кожа у него на ощупь как восковая, холодная. Благодарение Господу, лихорадки нет. Я не решаюсь ни переместить его, ни оставить одного и пойти в деревню. А если и пойду, кто согласится вернуться со мной и помочь ему? Кто переступит порог этого проклятого дома?

О, подвал! Твари из подвала, что рыщут у нас в стенах!

22 октября 1850 г.

Дорогой мой Доходяга!

Я снова пришел в себя, хотя и слаб – тридцать шесть часов провалялся без сознания! Снова пришел в себя. что за горькая, жестокая шутка! Никогда я уже не стану самым собою, никогда. Я стоял лицом к лицу с безумием и ужасом, для человека невыразимым. И это еще не конец.

Если бы не Кэл, полагаю, я в ту же минуту расстался бы с жизнью. Он – единственный оплот здравомыслия в этом разгуле сумасшествия.

Ты должен узнать все.

Для похода в подвал мы запаслись свечами: они давали достаточно света – проклятие, более чем достаточно! Кэлвин попытался отговорить меня, ссылаясь на мою недавнюю болезнь и уверяя, что обнаружим мы разве что здоровущих крыс, для которых уже и отраву запасли.

Я, однако ж, остался тверд в своем решении. Кэлвин со вздохом ответил:

– Делайте как знаете, мистер Бун.

Вход в подвал открывается в кухонном полу (Кэл уверяет, что с тех пор надежно заколотил его досками); дверцу нам удалось приподнять лишь с огромным трудом.

Из тьмы поднялась волна невыносимого зловония – вроде того, что насквозь пропитало покинутую деревню на другом берегу реки Ройял. В свете свечи взгляд различал круто уводящую во тьму лестницу. Лестница находилась в ужасном состоянии: в одном месте целой подступени не хватало, на ее месте зияла черная дыра: нетрудно было вообразить себе, как именно злополучная Марселла нашла здесь свою гибель.

– Осторожно, мистер Бун! – предостерег Кэл.

Я заверил, что ни о чем ином и не помышляю, и мы спустились вниз.

Земляной пол и крепкие гранитные стены оказались на удивление сухи. Это место никак не наводило на мысль о крысином прибежище: тут не валялось ничего такого, в чем крысы любят устраивать гнезда, – ни старых коробок, ни выброшенной мебели, ни завалов бумаг. Мы подняли свечи повыше: образовался небольшой круг света, но все равно видно было мало. Пол плавно шел под уклон – по всей видимости, под главной гостиной и столовой, то есть к западу. В этом направлении мы и двинулись. Вокруг царила гробовая тишина. Смердный запах усиливался; темнота окутывала нас как плотная вата – точно ревнуя к свету, что временно низложил ее после стольких лет единоличного правления.

В дальнем конце гранитные стены сменились отполированным деревом – по-видимому, абсолютно черным, лишенным каких бы то ни было отражательных свойств. Здесь подвал заканчивался; от основного помещения словно бы отходил небольшой альков. Располагался он под таким углом, что осмотреть его не представлялось возможным иначе, как зайдя за угол.

Так мы с Кэлвином и поступили.

Ощущение было такое, словно пред нами восстал прогнивший призрак мрачного прошлого этих мест. В алькове стоял один-единственный стул, а над ним с крюка в крепкой потолочной балке свисала ветхая пеньковая петля.

– Значит, здесь-то он и повесился, – пробормотал Кэлвин. – Боже!

– Да. а позади, у основания лестницы, лежал труп его дочери.

Кэлвин заговорил было; затем вдруг неотрывно уставился на что-то позади меня – и слова превратились в крик.

О, Доходяга, как описать мне зрелище, открывшееся нашим глазам? Как поведать тебе об отвратительных жильцах внутри здешних стен?

Дальняя стена словно опрокинулась в никуда: из темноты злобно скалилось лицо – лицо с глазами эбеновыми, как река Стикс. Рот раззявлен в беззубой, мучительной ухмылке; желтая, прогнившая рука тянется к нам. Тварь издала кошмарный мяукающий звук – и, спотыкаясь, шагнула вперед. Свет моей свечи упал на нее.

На шее трупа красовался синева-багровый след от веревки!

А позади задвигалось что-то еще – нечто, что станет мне являться в ночных кошмарах до тех пор, пока все кошмары не закончатся: девушка с мертвенно-бледным, истлевшим лицом и трупной усмешкой – девушка, чья голова болталась под немыслимым углом.

Они пришли за нами, я знаю. Знаю, что они утащили бы нас во тьму и подчинили нас себе, если бы я не швырнул свечу прямехонько в тварь в стене, а следом – стул из-под крюка с петель.

Далее – все сумбур и тьма. Разум словно шторы задернул. Очнулся я, как и сказал, в своей комнате, и рядом был Кэл.

Если бы я мог, я бы бежал из этого дома кошмаров в одной ночной сорочке. Но – не могу. Я стал марионеткой в драме темной и глубокой. Не спрашивай, откуда я знаю; знаю – и все. Права была миссис Клорис, говоря о том, что кровь призывает кровь; чудовищно права была она, говоря о *наблюдателях* и *стражах*. Боюсь, я пробудил Силу, что дремала в сумеречной деревне ‘Салемова Удела вот уже полвека, – Силу, что убила моих предков и удерживает их в богопротивном рабстве как *носферату* – нежить! Мучают меня и другие страхи, Доходяга, еще более серьезные – но я вижу лишь часть. Если бы я только знал. если бы знал все!

Чарльз.

ПОСТСКРИПТУМ. Разумеется, я пишу это лишь для себя; от Угла Проповедников мы отрезаны. Письма не отправить: я не дерзну нести заразу туда, а Кэлвин ни за что меня не оставит. Может статься, если будет на то милость Господа, эти записи как-нибудь да попадут в твои руки.

Ч.

(Из записной книжки Кэлвина Макканна)

23 октября 1850 г.

Сегодня ему лучше; мы недолго поговорили о привидениях в подвале; сошлись на том, что это не галлюцинации и не порождения *эктоплазмы*, они – вполне реальные. Не подозревает ли мистер Бун, как и я, что они ушли? Может, и так; шумы стихли; однако ж зловещая атмосфера не рассеялась, все словно затянуто темной пеленой. Мы – словно в центре бури, и затишье – обманчиво...

Нашел в верхней спальне, в нижнем ящике старого бюро с выдвижной крышкой пачку бумаг. Кое-какие счета и письма заставляют меня предположить, что эта комната принадлежала Роберту Буну. Однако ж самый интересный документ – это короткие наброски на оборотной стороне рекламы кастровых шляп. Сверху написано:

Блаженны кроткие²⁵.

А ниже – на первый взгляд полная абракадабра.

бкадехнекмохксе
елмжонрыарстаид

Я так понимаю, это ключ к зашифрованной, запертой на замок книге в библиотеке. Код этот довольно прост: он использовался еще в Войне за независимость и назывался «Изгородь». Стоит убрать «пустые» символы – и получается следующее:

б а е н к о к е л ж н ы р т и

Читайте вверх-вниз, а не по горизонтали – и получите исходную цитату из заповедей блаженства.

Но прежде чем я покажу это мистеру Буну, мне необходимо ознакомиться с содержанием книги...

24 октября 1850 г.

Дорогой мой Доходяга!

Удивительное дело – Кэл, который обычно держит рот на замке до тех пор, пока не будет абсолютно уверен в своей правоте (редкое и достойное восхищения качество!), обнаружил дневник моего деда Роберта. Документ был зашифрован, но Кэл сам разгадал код. Он скромно уверяет, что по чистой случайности, но я подозреваю, что здесь уместнее сослаться на усердие и упорство.

Как бы то ни было, что за мрачный свет проливает этот дневник на здешние тайны!

Первая запись датирована 1 июня 1789 года, последняя – 27 октября 1789 года: за четыре дня до катастрофического исчезновения, о котором упоминала миссис Клорис. Это – повесть о нарастающем наваждении, – нет, о безумии! – с ужасающей ясностью излагающая, как именно связаны между собою мой двоюродный дед Филип, деревушка Иерусалемов Удел и книга, что ныне находится в оскверненной церкви.

Сама деревня, согласно Роберту Буну, старше и Чейпелуэйта (усадьба построена в 1782 году), и Угла Проповедников (он датируется 1741 годом и в те времена назывался Привал Проповедников). Ее основала в 1710 году отколовшаяся группа пуритан – секта во главе с суровым религиозным фанатиком с именем Джеймс Бун. Как вздрогнул я при виде этого имени! То, что этот Бун связан с моим семейством, сомневаться не приходится. Миссис Клорис была совершенно права в своем суеверном убеждении, что семейная связь – родная кровь – в этом деле играет ключевую роль; в ужасе вспоминаю, что ответила она, когда я спросил, какое отношение имеет Филип к 'Салемову Уделу. «Узы крови», – сказала она, и боюсь, что так оно и есть.

Деревушка превратилась в процветающую общину, разросшуюся вокруг церкви, где Бун проповедовал – или, точнее сказать, царил единовластно. Мой дед намекает, что тот еще и имел сношения со всеми местными дамами, убедив их, что таковы Божья воля и Божий замысел. В результате поселение превратилось в нечто из ряда вон выходящее. Подобная аномалия могла возникнуть только в те своеобразные времена обособленности, когда вера в ведьм и вера в Непорочное Зачатие существовали бок о бок – кровосмесительная, вырождающаяся, насквозь религиозная деревушка во главе с полубезумным священником, для которого Священным Писанием являлись одновременно Библия и зловещая книга де Гуджа «Обители демонов»; община, где регулярно проводился обряд экзорцизма; гнездо инцеста, сумасшествия и физических пороков, что столь часто являются следствием этого греха. Подозреваю (и, по всей видимости, Роберт Бун тоже так считал), что один из внебрачных отпрысков Буна уехал

²⁵ Мф. 5:5.

(или был увезен) из Иерусалемова Удела искать свою долю на юге – вот так была основана наша фамилия. Я знаю из наших собственных семейных хроник, что династия Бунов предположительно возникла в той части Массачусетса, что не так давно стала суверенным штатом Мэн. Мой прадед Кеннет Бун разбогател на торговле мехами – в те времена пушной промысел процветал. На его деньги, умноженные временем и разумными капиталовложениями, и была построена эта семейная усадьба – много лет спустя после его смерти, в 1763 году. Чейпелуэйт воздвигли его сыновья, Филип и Роберт. «Кровь призывает кровь», – говорила миссис Клорис. Может ли быть, что Кеннет, рожденный от Джеймса Буна, бежал от безумия отца и отцовской деревни, – лишь для того, чтобы его сыновья, сами того не ведая, возвели родовое поместье Бунов *менее чем в двух милях от того места, где род берет свое начало?* Если это правда, то воистину некая гигантская незримая Рука направляет нас!

Согласно дневнику Роберта, в 1789 году Джеймс Бун был уже глубоким старцем – что и неудивительно. Если предположить, что на момент основания деревни ему было двадцать пять, то теперь ему исполнилось сто четыре года – почтенный возраст, что и говорить! Далее следуют дословные выдержки из дневника Роберта Буна:

«4 августа 1789 г.

Сегодня я впервые повстречался с человеком, который оказывает на моего брата столь нездоровое влияние; должен признать, этот Бун и впрямь обладает странным обаянием, что меня преизрядно тревожит. Он оказался глубоким старцем – седобород, расхаживает в черной рясе, что мне показалось не вполне пристойным. Еще больше возмущает то, что он окружает себя женщинами, как султан – гаремом; Ф. уверяет, что он по сию пору живчик, хотя ему по меньшей мере за восемьдесят. В самой деревне я побывал только раз – и больше я туда ни ногой; на тамошних безмолвных улицах царит страх пред старцем на проповеднической кафедре: боюсь также, что там родня сходится с родней – слишком многие лица кажутся знакомыми. Куда бы я ни посмотрел – предо мной встает образ старца. и все такие бледные, изнуренные, тусклые – как если бы ни искры жизни в них не осталось. Я видел безглазых и безносых детей, видел женщин, что рыдают и бормочут что-то невнятное, и ни с того ни с сего тычут пальцем в небо, и коверкают Писание, перемежая священные тексты рассуждениями о демонах.

Ф. хотел, чтобы я остался на службу, но от одной только мысли об этом зловещем старце на кафедре перед паствой вырождающейся деревни мне сделалось нехорошо, и я отговорился.»

В предыдущей и последующей записях говорится о том, что Филип все больше подпадал под обаяние Джеймса Буна. 1 сентября 1789 года Филип принял крещение в церкви Буна. Роберт пишет: «Я вне себя от изумления и ужаса – мой брат меняется у меня на глазах; теперь он даже внешне походит на проклятого старца».

Первое упоминание о книге датируется 23 июля. В дневнике Роберта о ней говорится вскользь: «Нынче вечером Ф. вернулся из малой деревни, как мне показалось, изрядно возбужденным. Но мне так и не удалось вытянуть из него ни слова до самой ночи; лишь когда пришло время ложиться спать, он признался, что Бун спрашивал про книгу под названием “Мистерии Червя”. Чтобы доставить удовольствие Ф., я пообещал послать запрос в “Джоунз энд Гудфеллоу”. Ф., чуть ли не заискивая, осыпал меня благодарностями».

В примечании от 12 августа говорилось: «Получил сегодня два письма. одно от “Джоунз энд Гудфеллоу” из Бостона. У них есть сведения о томе, интересующем Ф. Во всей стране сохранилось только пять экземпляров. Письмо довольно холодное; это странно. Я Генри Гудфеллоу не первый год знаю».

«13 августа.

Ф. безумно разволновался из-за письма от Гудфеллоу; отказывается объяснять почему. Говорит лишь, что Буну *жизненно необходимо* раздобыть один из экземпляров. В толк не возьму зачем; судя по названию, это всего-то навсего безобидное пособие по садоводству.

Очень тревожусь насчет Филипа: с каждым днем он ведет себя все более странно. Я уже жалею, что мы вернулись в Чейпелуэйт. Лето стоит жаркое, гнетущее, исполненное недобрых предвестий.»

Сверх этого гнусный фолиант упоминается в дневника Роберта лишь дважды (он, по всей видимости, не осознавал его значимости, даже в самом конце). Из записи от 4 сентября:

«Я попросил Гудфеллоу выступить посредником от имени Филипа в вопросе приобретения книги, вопреки собственному здравому смыслу. Что толку протестовать? Допустим, я откажусь – или у него нет собственных денег? В обмен я взял с Филипа слово отказаться от этого отвратительного крещения. но он так возбужден, его просто-таки лихорадит. я ему не доверяю. Я в полном замешательстве; я не знаю, что делать.»

И наконец, 16 сентября.

«Сегодня доставили книгу – с письмом от Гудфеллоу, в котором он отказывается принимать от меня заказы в дальнейшем. Ф. неописуемо разволновался: чуть у меня из рук посылку не выхватил. Текст написан на скверной латыни, а также и руническим алфавитом, которого я не понимаю. Том кажется теплым на ощупь и вибрирует у меня в руках, словно в нем заключена великая власть. Я напомнил Ф. о его обещании отречься, но он лишь рассмеялся отвратительным, безумным смехом и помахал книгой у меня перед носом, восклицая снова и снова: “Она у нас! Она у нас! Червь! Секрет Червя!” Теперь он убежал – я так понимаю, к своему сумасшедшему благодетелю; сегодня я его больше не видел.»

О самой книге больше не говорится ни слова, но я сделал ряд довольно-таки правдоподобных выводов. Во-первых, эта книга, как и говорила миссис Клорис, послужила причиной ссоры между Робертом и Филипом; во-вторых, в ней заключено нечестивое заклинание, вероятно, друидического происхождения (многие из друидических кровавых ритуалов были записаны римлянами – завоевателями Британии, из любви к науке; и многие из этих адских «поваренных книг» ныне являются запрещенной литературой); в-третьих, Бун и Филип вознамерились воспользоваться фолиантом в своих собственных целях. Возможно, они хотели как лучше (согласно своим собственным искаженным представлениям), – но мне в это не верится. Я полагаю, они задолго до того предались безликим силам, что существуют за гранью Вселенной и, возможно, даже вне ткани Времени. Последние записи в дневнике Роберта Буна отчасти подтверждают мои предположения; позволю им говорить самим за себя:

«26 октября 1789 г.

В Углу Проповедников нынче смута и ропот; кузнец Фроли схватил меня за плечо и пожелал знать, “чего там затевают ваш брат и этот безумный Антихрист”. Гуди Рэндалл уверяет, что в небесах явлены Знаменья: *грядет великое Бедствие*. На свет появился двухголовый теленок.

Что до меня, уж и не знаю, что там грядет: вероятно, брат мой того и гляди сойдет с ума. Чуть не за одну ночь голова его поседела, выпученные глаза налиты кровью, отрадный свет здравомыслия в них словно бы погас навеки. Он ухмыляется, шепчет что-то себе под нос и, в силу одному ему известной причины, зачастил в наш подвал – там он обычно и обретается, если только не в Иерусалемовом Уделе.

К дому слетаются козодои и копошатся в траве; хор их голосов из тумана сливается с гулом моря в какой-то нездешний Зов, исключая самый мысль о сне».

«27 октября 1789 г.

Нынче вечером, когда Ф. отправился в Иерусалемов Удел, я последовал за ним – на некотором расстоянии, стараясь остаться незамеченным. Треклятые козодои в лесах так и роятся, отовсюду звенит их нездешний зауспокойный речитатив. Переходить мост я не дерзнул: деревня погружена во тьму, одна только церковь подсвечена призрачным алым заревом, и высокие, заостренные окна – точно очи Преисподней. Многоголосая дьявольская литания нарастала и затухала, срываясь то на хохот, то на рыдания. Сама земля словно бы вспухала и постанывала у меня под ногами, изнывая под тяжким Бременем, и я бежал прочь – потрясенный, исполненный ужаса; я спешил сквозь рассеченный тенями лес, и в ушах у меня гремели жуткие, пронзительные вопли козодоев.

Надвигается развязка, доселе непредвиденная. Страшусь закрыть глаза и оказаться во власти снов, но и бодрствовать невыносимо – в преддверии безумных ужасов. Ночь полнится жуткими звуками; боюсь, что. И однако ж меня снова влечет туда с неодолимой силой – дабы наблюдать и *видеть* все своими глазами. Сдается мне, это Филип зовет меня, и старец тоже.

Птицы проклят проклят проклят».

На этом дневник Роберта Буна обрывается.

Как ты наверняка заметил, Доходяга, ближе к завершению Роберт утверждает, что его словно бы позвал Филип. Мои окончательные выводы подсказаны этими строками, рассказами миссис Клорис и прочих, но более всего – теми жуткими видениями в подвале, фигурами живых мертвецов. Наша кровь отмечена печатью злой судьбы. На нас лежит проклятие, похоронить которое не дано; оно живет чудовищной призрачной жизнью и в этом доме, и в этом городке. Но цикл вновь близится к завершению. Я – последний из рода Бунов. Боюсь, некая сила об этом знает, и я – своего рода связующее звено в адской игре вне понимания, вне здравого смысла. До зловещей годовщины – Дня всех святых – еще неделя начиная с сегодняшнего дня.

Что мне предпринять? Ах, если бы ты был здесь и мог помочь мне советом! Если бы ты только был здесь!

Я должен узнать все; я должен вернуться в зачумленную деревню. И да поможет мне Господь!

Чарльз.

(Из записной книжки Кэлвина Макканна)

25 октября 1850 г.

Мистер Бун проспал почти целый день. В исхудавшем лице – ни кровинки. Боюсь, рецидив мозговой горячки неизбежен.

Доливая воды в графин, я за приметил два неотосланных письма к мистеру Грансону во Флориду. Мистер Бун собирается вернуться в Иерусалемов Удел; это его убьет, если я не сумею ему помешать. Успею ли я втайне от него сходить в Угол Проповедников и нанять коляску? В том мой долг; но что, если он проснется? Вдруг я вернусь – и его уже не застану?

В стенах опять раздаются шумы. Благодарение Господу, он все еще спит! Боюсь даже задумываться, что все это значит.

Позже

Принес ему ужин на подносе. Он собирается со временем встать, и невзирая на все его отговорки, знаю я, что он затевает; однако ж в Угол Проповедников я схожу. У меня остались

снотворные препараты, прописанные ему во время предыдущей болезни; добавил ему одно из снадобий в чай – он ничего не заметил. Теперь снова спит.

Мне страшно оставить его наедине с Тварями, что копошатся за стенами, но позволить ему провести хоть один лишний день в пределах этих стен – еще страшнее. Запер дверь снаружи.

Дай мне Бог застать его по-прежнему мирно спящим, когда я вернусь с коляской!

Еще позже

Меня забросали камнями! Забросали камнями, как кусачего бешеного пса! Злодеи, изверги! И они называют себя *людьми*! Мы здесь пленники.

Птицы – козодои то есть – сбиваются в стаи.

26 октября 1850 г.

Дорогой мой Доходяга!

Сумерки уже сгущаются; я только что проснулся – почитай что сутки проспал. И хотя Кэл ни словом о том не обмолвился, подозреваю, что он, угадав мои намерения, подсыпал снотворного мне в чай. Кэлвин – друг верный и преданный, он хочет мне только добра – так что я сделаю вид, будто ничего не заметил.

Однако ж в своем намерении я тверд. Завтра – решающий день. Я спокоен, непоколебим; хотя и ощущаю, что меня слегка лихорадит. Если это и впрямь возвращается мозговая горячка, должно все закончить завтра. Наверное, лучше бы даже нынче ночью, однако даже адское пламя не заставило бы меня войти в проклятую деревню в сумраке.

Если это последнее, что я пишу, – да благословит и да сохранит тебя Господь, Доходяга.

Чарльз.

Постскриптум. Птицы подняли крик, жуткое шарканье зазвучало снова. Кэл думает, я ничего не слышу – и ошибается.

Ч.

(Из записной книжки Кэлвина Макканна)

27 октября 1850 г.

5 часов утра.

Переубедить его невозможно. Хорошо же. Я пойду с ним.

4 ноября 1850 г.

Дорогой мой Доходяга!

Я слаб, но в ясном сознании. Не вполне уверен, какой сегодня день, однако ж закат и прилив подтверждают, что календарь не лжет. Я сижу за рабочим столом – на этом же самом месте я сидел, когда впервые писал тебе из Чейпелуэйта, – гляжу на темное море, где быстро гаснут последние блики света. Ничего больше я уже не увижу. Эта ночь – моя; я оставляю ее и ухожу в неведомые тени.

Как же оно плещет о скалы, это море! Швыряет в меркнувшее небо облака пены, что разворачиваются полотнищами стягов; от натиска волн пол дрожит у меня под ногами. В оконном стекле вижу свое отражение – мертвенно-бледное, ни дать ни взять вампир. С 27 октября у меня ни крошки во рту не было; да я бы и глотка воды не выпил, если бы Кэлвин в тот же день не поставил у моей кровати графин.

О, Кэл! Доходяга, его больше нет. Он погиб вместо меня, вместо того несчастного с руками-палочками и черепом вместо лица, отражение которого я вижу в потемневшем окне. И однако ж, возможно, ему повезло больше; ибо его не мучают сны, как меня – последние

несколько дней; эти извращенные фантомы, затаившиеся в кошмарных коридорах бреда. Вот и руки трясутся; всю страницу чернилами забрызгал.

Я уже собирался незаметно выскользнуть из дома (и радовался собственной изобретательности), – и тут передо мной предстал Кэлвин. Я загодя сказал Кэлу, что надумал-таки уезжать, и попросил его сходить в Тандрелл, городок в десяти милях от усадьбы, где мы еще не стали притчей во языцех, и нанять двуколку. Он согласился и ушел по дороге вдоль моря; я проводил его взглядом. Как только Кэл скрылся из виду, я по-быстрому собрался, надел пальто и шарф (подмораживало; в утреннем пронизывающем ветре ощущалось первое касание надвигающейся зимы). Я подумал, не взять ли ружье, и тут же рассмеялся над собою. На что сдалось ружье в таких делах?

Я вышел через кладовку, ненадолго замешкался – полюбоваться напоследок морем и небом, надышаться свежим воздухом вместо трупной вони, что мне предстоит вдохнуть очень скоро; налюбоваться чайкой, что кружит под облаками, ища пропитания.

Я развернулся – передо мной стоял Кэлвин Макканн.

– Один вы не пойдете, – отрезал он. Таким мрачным я его в жизни не видел.

– Но, Кэлвин... – начал было я.

– Нет, ни слова! Мы пойдем вместе и сделаем, что должно, или я силой верну вас в дом. Вы неважно себя чувствуете. Один вы не пойдете.

Невозможно описать всю противоречивую гамму чувств, захлестнувших меня: смятение, и досада, и признательность, но паче всего – любовь.

Молча, не говоря ни слова, мы прошли мимо беседки и солнечных часов, по заросшей сорняками обочине – и углубились в лес. Вокруг царила гробовая тишина – ни птица не поет, ни сверчок не застрекочет. Мир словно накрыла пелена безмолвия. В воздухе разливался вездесущий запах соли да слабый привкус древесного дыма. В лесах буйствовало геральдическое многоцветье красок, в котором, как мне показалось, преобладал багрянец.

Вскорости запах соли исчез, сменился иным, более зловещим – той самой гнилостью, о которой я говорил. Когда мы дошли до мостков через речку Ройял, я уже ждал, что Кэл снова станет уговаривать меня повернуть назад – но он не стал. Он замешкался, поглядел на мрачный шпиль, словно насмехающийся над синим небом, перевел взгляд на меня. И мы пошли дальше.

Мы быстро (хотя и содрогаясь от страха) зашагали к церкви Джеймса Буна. Дверь по-прежнему стояла распахнута настежь, со времен нашего предыдущего прихода, тьма внутри алчно шерилась на нас. Мы поднялись по ступеням; в сердце моем разыгралась дерзость; дрожащая рука легла на ручку двери – и потянула ее на себя. Тлетворный запах в помещении заметно усилился.

Мы шагнули в полутемную прихожую и, не задерживаясь, прошли в храм.

Там царил хаос.

Здесь еще недавно бушевало нечто неописуемое, производя грандиозные разрушения. Церковные скамьи опрокинуло и расшвыряло в разные стороны, словно бирюльки. Поруганный крест валялся у восточной стены, рваная дыра в штукатурке над ним свидетельствовала о том, с какой силой он был брошен. Лампады вырваны из креплений, едкий запах ворвани смешивался с гнусной вонью, пропитавшей город. А через главный неф, точно отвратительная дорожка для выхода невесты, протянулся след из черного гноя вперемешку со зловещими кровавыми разводами. Мы проследили его до кафедры – только она и осталась нетронутой посреди всеобщего беспорядка. Поверх нее, глядя на нас остекленевшими глазами из-за кощунственной Книги, лежала туша ягненка.

– Боже, – прошептал Кэлвин.

Стараясь не наступать на липкую слизнь, мы подошли ближе. Звук наших шагов эхом отдавался от стен – словно бы преображаясь в громовые раскаты хохота.

Мы вместе поднялись в притвор. Ягненок не был ни разодран, ни объеден; скорее, его *сдавливали* до тех пор, пока не лопнули кровеносные сосуды. Кровь густо растеклась зловонными лужами и по пюпитру, и по его основанию. *однако же на книге алая жидкость становилась прозрачной, так что неразборчивые руны читались сквозь нее как сквозь цветное стекло!*

– Так ли надо к ней прикасаться? – не дрогнув, осведомился Кэл.

– Да. Я должен ее взять.

– И что вы намерены делать?

– То, что следовало сделать шестьдесят лет назад. Я ее уничтожу.

Мы стащили с книги тушу ягненка: она рухнула на пол со смачным глухим стуком. Залитые кровью страницы словно ожили, засветились изнутри алым заревом.

В ушах у меня зазвенело и загудело; казалось, от самих стен исходит монотонный речитатив. Лицо Кэла исказилось: надо думать, он слышал то же самое. Пол под ногами задрожал, как если бы дух этой церкви явился к нам защищать свои владения. Ткань привычных и здоровых пространства и времени искривилась и затрещала; церковь заполонили призраки, замерцали адские отсветы вечного холодного огня. Мне померещилось, будто я вижу Джеймса Буна: отвратительный уродец скакал и прыгал вокруг распростертой на полу женщины, – тут же стоял мой двоюродный дед Филип, служитель в черной рясе с капюшоном, держа в руках нож и чашу.

– *Deum vobiscum magna vermis...*

Слова содрогались и корчились на странице перед моими глазами, напоенные жертвенной кровью – желанной добычей твари, что рыщет за пределами звезд.

Слепая, выродившаяся паства раскачивалась взад-вперед в бездумном, демоническом славословии; в уродливых лицах отражалось алчное, невыразимое предвкушение.

Латынь сменилась наречием более древним – древним уже тогда, когда Египет был юн, а пирамиды – еще не построены, древним, когда Земля еще повисала в пространстве бесформенным кипящим сгустком газа:

– Гюйаджин вардар Йогсоггот! Верминис! Гюйаджин! Гюйаджин! Гюйаджин!

Кафедра затрещала, раскололась, приподнялась над полом.

Кэлвин пронзительно закричал, заслонил рукою лицо. Притвор задрожал крупной злобшей дрожью, заходил ходуном, точно попавшее в шторм судно. Я схватил книгу, стараясь держать ее на некотором расстоянии; она дышала жаром солнца, того и гляди ослепит и испепелит меня.

– Бегите! – завопил Кэлвин. – Бегите!

Но я прирос к месту; чуждое присутствие наполняло меня, как древний сосуд, прождавший многие годы – нет, несколько поколений!

– Гюйаджин вардар! – возопил я. – О Безымянный, слуга Йогсоггота! Червь из-за грани Вселенной! Пожиратель Звезд! Ослепляющий Время! Верминис! Грядет Час Исполнения и Время Раскола! Верминис! Альях! Альях! Гюйаджин!

Кэлвин толкнул меня, я пошатнулся; церковь завращалась у меня перед глазами, я рухнул на пол и ударился головой о край перевернутой скамьи. В мозгу полыхнуло алое пламя – и в сознании неожиданно прояснилось.

Я нашарил запасенные загодя серные спички.

Все заполнил подземный грохот. Посыпалась штукатурка. Проржавевший колокол на колокольне принялся сдавленно вызванивать дьявольскую какофонию в такт нарастающему гулу.

Вспыхнула спичка. Я поднес ее к книге – в тот самый момент, как кафедра взорвалась, с треском разлетелась на щепки. Под ней зияла громадная черная утроба. Кэл, размахивая руками, балансировал на самом краю; лицо его исказилось в бессловесном крике, что звучит у меня в ушах по сию пору.

А в следующий миг из провала выплеснулась гора серой пульсирующей плоти. Кошмарной волной всколыхнулся смрад. Наружу неодолимо хлынула вязкая, пузырячатая, студенистая масса, чудовищная громада, исторгнутая, казалось, из самых недр Земли. И однако ж в миг леденящего прозрения, людям неведомого, я понял, что это – *лишь одно-единственное кольцо, один сегмент кошмарного безглазого червя, что много лет таился в темных пустотах под проклятой церковью!*

Книга загорелась, запылала у меня в руках; Тварь беззвучно завопила, нависая надо мной. Удар вскользь пришелся по Кэлвину – его отшвырнуло через всю церковь точно куклу со сломанной шеей.

Тварь осела – втянулась обратно, остался лишь громадный, развороченный провал в обрамлении черной слизи; пронзительный, мяукающий звук постепенно угасал, поглощался колоссальными расстояниями – и наконец смолк совсем.

Я опустил взгляд. Книга обратилась в пепел.

Я захохотал, затем завыл, как раненый зверь.

Последние остатки рассудка меня покинули. Висок сочился кровью. Сидя на полу, я вопил и бормотал нечто нечленораздельное в этой полутьме, а Кэлвин, недвижно распростертый в дальнем углу, глядел на меня остекленевшим, исполненным ужаса взглядом.

Понятия не имею, как долго я пробыл в этом состоянии. Словами такого не расскажешь. Но когда ко мне вновь вернулась способность мыслить и действовать, вокруг меня уже пролегли длинные тени и сгустились сумерки. Краем глаза я заметил какое-то движение – движение в проломе в полу притвора. Из-под расколотых половиц на ощупь просунулась чья-то рука.

Сумасшедший хохот застрял у меня в горле. Истерика сменилась обескровленным оцепенением.

С жуткой, мстительной неспешностью из тьмы поднялась изломанная фигура, полуистлевший череп устался на меня. По лишенному плоти лбу ползали жуки. Истлевшая ряса липла к раскосым впадинам прогнивших ключиц. Жили лишь глаза: красные, безумные провалы с ненавистью взирали на меня, и читалось в них не только помешательство – но бессмысленность прозябания на нехоженных пустошах за гранью Вселенной.

Оно пришло забрать меня вниз, во тьму.

С пронзительным криком я обратился в бегство – бросив тело моего верного друга в этом кошмарном месте. Я мчался сломя голову, пока воздух не взбурлил магмой в моих легких и в мозгу. Мчался, пока не оказался вновь в этом оскверненном, одержимом злыми силами доме и в своей комнате, где и рухнул без чувств и пролежал как мертвый вплоть до сегодняшнего дня. Мчался что есть духу, ибо даже в своем неменяемом состоянии разглядел в этих жалких останках ожившего трупа – *семейное сходство*. Но не с Филипом и не с Робертом, чьи портреты висят в верхней галерее. *Этот прогнивший лик принадлежал Джеймсу Буну, Стражу Червя!*

Он живет и по сей день – где-то в извилистых, бессветных подземных ходах под Иерусалемовым Уделом и Чейпелуэйтон; жива и Тварь. Спалив книгу, я помешал замыслам Твари; но есть ведь и другие списки.

Однако ж я стою у врат, и я – последний из рода Бунов. Во имя всего человечества я должен умереть. и навсегда разорвать связь.

Я ухожу в море, Доходяга. Мое путешествие, как и моя история, закончилось. Да хранит тебя Бог, да дарует тебе мир и благодать.

Чарльз.

* * *

Эта необычная подборка бумаг со временем попала в руки мистеру Эверетту Грансону, которому и была адресована. По всей видимости, в результате нового приступа мозговой горячки (а злополучный Чарльз Бун уже один раз переболел ею сразу после смерти жены в 1848 году) бедняга лишился рассудка и убил своего спутника и преданного друга, мистера Кэлвина Макканна.

Записи в дневнике мистера Макканна – это не более чем прелюбопытная подделка, вне всякого сомнения, состряпанная Чарльзом Буном в доказательство своих собственных параноидальных галлюцинаций.

Чарльз Бун заблуждался по меньшей мере дважды. Во-первых, когда деревушку Иерусалемов Удел «открыли заново» (я, разумеется, использую эти слова исключительно как исторический термин), на полу в притворе, пусть и прогнившем, не обнаружилось никаких следов взрыва или серьезных повреждений. И хотя старые скамьи и впрямь были опрокинуты, а некоторые окна – выбиты, это все можно списать на вандализм окрестных жителей за многие годы. Среди старожилов Угла Проповедников и Тандрелла действительно ходят вздорные слухи насчет Иерусалемова Удела (возможно, именно эта безобидная народная легенда в свое время и направила мысли Чарльза Буна в нездоровое русло), но никакого отношения к делу они не имеют.

Во-вторых, Чарльз Бун – не последний в роду. У его деда, Роберта Буна, было по меньшей мере двое внебрачных детей. Один умер во младенчестве. Второй принял имя Буна и обосновался в городе Централ-Фоллз, штат Род-Айленд. Я – последний из потомков этой боковой ветви Бунов; троюродный брат Чарльза Буна в третьем поколении. Эти бумаги находятся в моем ведении вот уже десять лет. Я решил их опубликовать в связи со своим переездом в Чейпелуэйт, родовое поместье Бунов. Надеюсь, что читатель посочувствует обманутой, заблуждающейся душе бедного Чарльза. Насколько я могу судить, он был прав лишь в одном: усадьба и в самом деле остро нуждается в услугах экстерминатора.

Судя по звукам, в стенах кишмя кишат крупные крысы.

Подписано:

Джеймс Роберт Бун.

2 октября 1971 г.

Ночная смена

26

Два часа дня. Пятница.

Холл сидел на скамейке у лифта – единственное место на третьем этаже, где работяга может спокойно перекурить, – как вдруг появился Уорвик. Нельзя сказать, чтоб Холл пришел в восторг при виде Уорвика. Прораб не должен был появиться раньше трех – того часа, когда на фабрику заступает новая смена. Он должен сидеть у себя в конторке, в подвальном помещении, и попивать кофе из кофейника, что стоит у него на столе. Возможно, кофе оказался слишком горячим.

Июнь в Гейтс-Фоллз выдался на удивление жарким, термометр, висевший у лифта, однажды зафиксировал невероятную для здешних краев температуру – 94 градуса по Фаренгейту в три часа ночи. Одному Богу ведомо, какой ад подстерегает работягу, заступившего на смену с трех до одиннадцати.

Холл работал на неуклюжей и капризной трепальной машине, произведенной некоей уже не существующей фирмой в 1934 году в Кливленде. Он работал здесь с апреля, а это означало, что платили ему по минимуму, 1,78 доллара в час. Но Холл считал, что это вполне нормально. Ему хватало. Ни жены, ни постоянной девушки, ни алиментов. Он по натуре своей был кочевником и за последние три года сменил немало мест и занятий – от Беркли (студент колледжа) до Лейк-Тахо (кондуктор автобуса); от Гэлвстона (портовый грузчик) до Майами (повар в закусочной); от Уилинга (водитель такси и мойщик посуды) до Гейтс-Фоллз в штате Мэн, где теперь работал трепальщиком и вовсе не собирался расставаться с этим последним местом. По крайней мере до тех пор, пока не выпадет снег. Он был одинок, и ему особенно нравилась смена с одиннадцати до семи, когда напряжение в этой гигантской, непрерывно работающей мельнице спадало, не говоря уже о температуре воздуха.

Единственное, что здесь удручало, так это крысы.

Третий этаж являл собой довольно длинное и пустое помещение, освещенное гудящими флюоресцентными лампами. Здесь в отличие от остальных этажей фабрики было относительно тихо и пусто. Это если говорить о людях. Зато крысы так и кишели. Единственным механизмом на третьем этаже была его трепальная машина, вся остальная часть помещения использовалась под хранение девяностофунтовых мешков с волокном, которое машина Холла должна была сортировать своими длинными зубьями. Мешки, напоминавшие сосиски, были уложены длинными рядами; некоторые из них (особенно с лоскутьями мельтона²⁷ и какими-то совсем непонятными тряпицами, на которые не было спроса) валялись тут годами и стали серыми от пыли и грязи. Самое подходящее место для гнезд, где селились крысы – огромные пузатые создания со злобными глазками и серыми шкурками, в которых так и кишели вши, блохи и прочие паразиты.

Холл взял в привычку собирать целый арсенал пустых жестянок из-под безалкогольных напитков – он выуживал их из мусорного бака во время обеденного перерыва. И швырял банками в крыс, когда работы было немного, а потом собирал их по всему помещению, к полному своему удовольствию. И вот за этим занятием его застал мистер Прораб. Поднялся по лестнице вместо лифта, сукин он сын. Даром что все называли его шпиком.

– Чем это ты занят, а, Холл?

– Крысами, – ответил Холл, сознавая, что объяснение звучит абсурдно, поскольку крысы тут же попрятались в свои норки. – Швыряю в них банками, когда высовываются.

²⁶ Graveyard Shift. © 1998. Н. Рейн. Перевод с английского.

²⁷ Мельтон – вид сукна.

Уорвик нехотя кивнул в знак приветствия. Крупный мясистый мужчина с короткой стрижкой. Рукава рубашки закатаны, узел галстука приспущен. Затем он сощурил глаза и взглянул на Холла уже попристальней.

– Мы платим тебе не за то, чтоб ты швырялся банками в крыс, мистер. Даже если потом будешь их подбирать.

– Но Гарри не присылает заказ вот уже минут двадцать, – начал оправдываться Холл, а про себя подумал:

Ну чего ты приперся сюда, вместо того чтоб спокойно сидеть и пить кофе? – А что прикажете прогонять через эту машину, если заказа нет?

Уорвик кивнул – с таким видом, словно эта тема больше его не интересовала.

– Поднимусь-ка я, пожалуй, и погляжу, чем там занят Висконский, – сказал он. – Ставлю пять против одного, что читает журнальчик, пока сырье накапливается в барабанах.

Холл промолчал.

Тут вдруг Уорвик указал пальцем:

– Вот она, смотри-ка! А ну задай этой твари перцу!

Холл запустил в крысу жестяной из-под «Нихай»²⁸, которую держал наготове. Бросок был молниеносным и точным. Крыса, сидевшая на одном из мешков и не спускавшая с них злобного взгляда темных глазок, слетела вниз, издав жалобный писк. Уорвик расхохотался, закинув голову. А Холл пошел подбирать банку.

– Вообще-то я к тебе не за этим приходил, – сказал Уорвик.

– За чем же?

– На следующей неделе праздник, Четвертое июля. – Холл кивнул. – Фабрика будет закрыта с понедельника по субботу. Каникулы для рабочих со стажем не меньше года, отпуск за свой счет для работяг со стажем меньше года. Подработать не желаешь?

Холл пожал плечами:

– А чего делать-то?

– Мы хотим очистить полуподвальный этаж. Вот уж лет двенадцать, как там никто не наводил порядка. Да там сам черт ногу сломит. Надо бы поработать шлангом.

– Кто-то из городского комитета желает войти в совет директоров?

Уорвик злобно сощурился:

– Так хочешь или нет? Два бакса в час, четвертого – двойная плата. Потом переведем туда ночную смену, там прохладнее.

Холл быстро подсчитал в уме. Возможно, ему удастся сколотить семьдесят пять баксов за вычетом налогов. Такие деньги на дороге не валяются. К тому же отпуск у него за свой счет.

– Ладно.

– Тогда зайдешь в понедельник в красильный цех и запишешься, о'кей?

Холл смотрел ему вслед. Не дойдя до лестницы, Уорвик вдруг обернулся и взглянул на него:

– Ты вроде бы в колледже учился, верно?

Холл кивнул.

– О'кей, мальчик из колледжа, буду иметь тебя в виду.

И он ушел. Холл сел и закурил следующую сигарету, держа в другой руке банку от содовой и зорко озираясь по сторонам. Можно представить, что творится в этом полуподвале, точнее, подвале, потому как он располагался одним уровнем ниже красильной. Сырость, темно-тища, полно пауков, гниющих тряпок, вонь от реки и... крысы. А может, даже и летучие мыши, авиаторы семейства грызунов. Гадость!..

²⁸ «Нихай» – прохладительный напиток.

Холл с силой запустил банкой в мешок, затем улыбнулся краешками губ, заслышав доносившийся сверху голос Уорвика, тот отчитывал Гарри Висконского.

О'кей, мальчик из колледжа, буду иметь тебя в виду.

Но улыбка тут же слетела с губ, и он затушил окурок. Через несколько минут Висконский начнет подавать через воздухоудку нейлоновое сырье, так что пора приниматься за работу. Спустя некоторое время крысы вылезли из своих убежищ и расселись на мешках, заполнивших длинный цех. И принялись наблюдать за его действиями немигающими черными глазками. Словно суд присяжных...

Одиннадцать вечера. Понедельник.

В помещении собралось человек тридцать шесть, когда наконец вошел Уорвик в старых потрепанных джинсах, заправленных в высокие резиновые сапоги. Холл слушал Гарри Висконского – невероятно толстого, невероятно ленивого и невероятно мрачного парня.

– Да там черт знает что творится, – говорил Висконский, когда вошел прораб. – Погоди, сам увидишь. Уйдем домой черные, словно ночь в Персии, даже еще черней.

– О'кей, ребята! – сказал Уорвик. – Мы повесили там шестьдесят лампочек, чтоб было светло и видно, чего вы делаете. Ты, ты и ты, – обратился он к группе мужчин, привалившихся спинами к сушилкам, – пойдете и подключите шланги к главному водозаборнику, что у лестничной клетки. Затем развернете шланги и протянете вниз. На каждого придется ярдов по восемьдесят, так что работы всем хватит. И не вздумайте валять дурака и поливать друг дружку водой, иначе ваш приятель имеет шанс отправиться в госпиталь. Струя жутко сильная, прямо с ног валит.

– Кто-нибудь обязательно пострадает, – выдал мрачный прогноз Висконский. – Погодите, сами увидите.

– Теперь вы, ребята. – Уорвик указал на группу, в которой находились Холл и Висконский. – Сегодня вы у нас работаете мусорщиками. Разобьетесь на пары. На каждую пару – по одному электрокару. Там полно разного хлама, старой мебели, мешков с тряпьем, сломанных станков, чего только нет... Будете свозить все это и складывать у вентиляционной шахты, что на западном конце. Есть кто-нибудь, кто не умеет управлять электрокаром?

Руки никто не поднял. Электрокар представлял собой маленькую вагонетку на батарейках, напоминавшую мусоровоз в миниатюре. От них после долгого использования начинало тошнотворно вонять, и вонь эта напоминала Холлу запах сгоревшей электропроводки.

– О'кей, – сказал Уорвик. – Мы поделили подвал на сектора. К четвергу надо бы управиться. В пятницу будем вывозить мусор. Вопросы есть?

Вопросов не было. Холл вглядывался в лицо прораба, и у него вдруг возникло предчувствие, что с этим человеком непременно должно случиться что-то ужасное. Мысль доставляла удовольствие. Ему никогда не нравился Уорвик.

– Ну и прекрасно! – сказал Уорвик. – Тогда за дело.

Два часа ночи. Вторник.

Холл устал, и ему до смерти надоело слушать непрерывное нытье и жалобы Висконского. Он уже подумывал: а не врезать ли ему как следует? Но потом отверг эту мысль. Нет, не пойдет. Это только даст Висконскому лишний повод для нытья.

Холл знал, что работа предстоит не сахар, но такого ада не ожидал. Больше всего доставала вонь. Запах гнили с реки смешивался с вонью разлагающихся тряпок, отсыревшей кирпичной кладки и гниющих останков какой-то растительности. В дальнем углу, с которого они начали, Холл обнаружил целую колонию гигантских белых мухоморов, проросших через растрескавшийся бетонный пол. Он случайно дотронулся до одного рукой, вытаскивая из груды

мусора проржавевшее колесо от трепальной машины. Гриб показался странно теплым и разбухшим на ощупь, словно кожа человека, страдающего водянкой.

Даже шестьдесят лампочек не смогли до конца разогнать сгустившуюся здесь тьму; их свет лишь разбавил ее немного, заставил отступить и забиться в углы и отбрасывал желтоватое мерцание на весь этот кошмар. Вообще-то помещение больше всего походило на неф давшим-давно заброшенной церкви: высокий сводчатый потолок; обломки каких-то машин, напоминающие останки мамонта; сырые стены, покрытые пятнами желтой плесени. А из шлангов били струи воды, создавая мрачный музыкальный фон всей этой картине; далее вода с журчанием сбегала в полузабитые канализационные трубы и уже оттуда попадала в реку.

И крысы, целые полчища крыс! Они были похожи на гномов. Бог их знает, чем они тут питались. Переворачивая бесчисленные доски и мешки, люди обнаруживали под ними огромные гнезда, сделанные из обрывков газет, с отвращением наблюдали, как крысята разбегались по щелкам и норкам, а глаза у этих существ были огромны и слепы от постоянно царившей здесь тьмы.

– Ладно, перекур, – сказал Висконский. Он почему-то задыхался, и Холл никак не мог понять, чем это вызвано – ведь парень практически просачковал всю ночь. Однако перекурить было действительно пора, к тому же они находились в углу, где их никто не видел.

– Давай. – Он привалился спиной к электрокару и закурил.

– Не стоило позволять Уорвику вовлекать нас во все это дерьмо... – жалобно протянул Висконский. – Эта работа не для белого человека. Правда, тут на днях он застучал меня на мусорке. А я как раз присел по большому. Ну и взбеленился же он, чуть не убил, ей-богу!

Холл не ответил. Он размышлял об Уорвике и крысах. Странно, но ему казалось, что между ними существует некая непонятная связь. Крысы, так долго жившие в этом подвале, похоже, напрочь забыли о существовании человека – слишком уж нагло себя вели и совсем ничего не боялись. Одна из них присела на задние лапы и торчала столбиком – ну точь-в-точь белка. А когда Холл занес ногу, чтобы дать ей пинка, прыгнула и вцепилась зубами в кожаный ботинок. Их были сотни, возможно, тысячи... Интересно, сколько же разных страшных болезней они переносят через сточные воды, подумал он. И этот Уорвик. Было в нем что-то такое...

– Мне просто бабки нужны, – продолжал тем временем Висконский. – Но ей-богу, приятель, эта работенка *не для белого человека!* А уж крысы... – Он опасливо огляделся по сторонам. – У них такие морды, прямо кажется, чего-то соображают. А ты никогда не задумывался над тем, что было бы, если б мы вдруг стали маленькими, а они превратились в больших, здоровенных таких...

– Да заткнись ты! – огрызнулся Холл.

Висконский вздрогнул и обиженно уставился на него.

– Я... это... ну извини, приятель. Просто я подумал... – Он умолк, а затем после паузы заметил: – Господи, ну и вонища же тут! Нет, *такая работа не для белого человека!* – В эту секунду на край вагонетки вскарабкался паук и пополз у него по руке. Висконский, брезгливо ойкнув, стряхнул его на пол.

– Ладно, идем, – сказал Холл и затушил сигарету. – Чем раньше начнем, тем быстрее закончим.

– Как же, как же, дожидайся!.. – с самым несчастным видом пробормотал Висконский.

* * *

Четыре часа утра. Вторник.

Время ленча.

Холл и Висконский присоединились к группе из трех-четырех работяг и ели сэндвичи, держа их грязными руками – такими грязными, что их, казалось, нельзя было отмыть и спе-

циальным промышленным детергентом. Холл жевал и косился в угол, где за стеклянной перегородкой сидел в своей конторке прораб. Уорвик пил кофе и с жадностью пожирал холодные гамбургеры.

– А Рей Апсон домой пошел, – заметил Чарли Броуч.

– С какой такой радости? Сблеванул, что ли? – спросил кто-то из работяг. – Я тут и сам едва не блеванул.

– Нет. Да Рей коровью лепешку сожрет, глазом не моргнув. Нет. Его крыса цапнула.

– Что, правда, что ли?

– Ага. – Броуч сокрушенно покачал головой. – Я с ним в паре работал. И такой твари сроду не видывал! Как выскочит вдруг из дырки в старом мешке! Здоровенная, ну что твоя кошка! Цап его за руку и ну жевать!..

– Гос-с-поди... – пробормотал один из рабочих и позеленел.

– Ага, – кивнул Броуч. – И тут Рей как заорет, ну точно баба какая. Но я его не осуждаю, нет. Столько кровищи человек потерял, ну что твоя свинья. И что ты думаешь, эта тварь его отпустила? Ничего подобного, сэр! Мне пришлось раза три-четыре врезать ей доской, прежде чем она отвалилась. А Рей, так он чуть не рехнулся. И давай ее топтать! И топтал, и топтал, пока не осталась одна шкурка. Гаже этого в жизни своей ничего не видывал! Ну, потом Уорвик перевязал ему руку и отправил домой. Сказал, чтоб завтра обязательно сходил к врачу.

– Здоровая, видно, была тварь... – заметил кто-то.

Словно услышав эти последние слова, Уорвик встал из-за стола, потянулся и, подойдя к двери клетушки, крикнул:

– Пора за дело, ребяташки!

Рабочие неспешно поднимались на ноги, жуя на ходу, стряхивая крошки с одежды, допивая из банок, похрустывая конфетами. Затем стали спускаться по лестнице, громко стуча каблуками по железным ступеням.

Проходя мимо Холла, Уорвик хлопнул его по плечу:

– Как дела, мальчик из колледжа? – И прошел мимо, не дожидаясь ответа.

– Ладно, идем, – сказал Холл Висконскому, который завязывал шнурки на ботинке. И они спустились вниз.

Семь утра. Вторник.

Холл и Висконский выходили вместе; такое впечатление, подумал Холл, что этот псих теперь от меня никогда не отвяжется. Висконский так перепачкался, что выглядел почти комично – широкая лунообразная физиономия измазана, словно у мальчишки, которого только что отметелила городская шпана.

В толпе рабочих, вышедших из дверей, не было слышно обычных грубоватых шуток. Никто не выдергивал у напарника рубашку из-за пояса, никто не подшучивал по поводу того, что постельку жены Тони наверняка согрел в его отсутствие кто-то другой. Полная тишина, перебиваемая лишь смачным харканьем и звуками плевок на грязный пол.

– Хочешь подвезу? – нерешительно предложил Висконский.

– Спасибо.

Проезжая по Милл-стрит, а затем по мосту, они молчали. Обменялись лишь парой слов, когда Висконский высадил его у дома.

Холл прямоком направился в душ, по-прежнему размышляя об Уорвике. Он пытался понять, что же такое было в этом мистере Прорабе, странно притягивающее его, заставлявшее думать, что между ними существует какая-то связь.

Не успев коснуться щекой подушки, он тут же уснул. Но спал беспокойно и плохо, и ему снились крысы.

Час ночи. Среда.

Да за лошадьми ухаживать и то проще.

Они не могли войти в помещение до тех пор, пока мусорщики не закончат вывоз разного хлама из одной из секций. Да и после приходилось часто останавливаться и ждать, пока не очистят от мусора новый участок, что давало время для перекура. Холл поливал из шланга, Висконский был занят тем, что носился взад-вперед, разматывая все новые витки резиновой змеи. Включал и выключал воду, убирал препятствия на ее пути.

Уорвик просто выходил из себя – работа шла слишком медленно. Если и дальше так пойдет, до четверга им ни за что не управиться.

Теперь они трудились над разборкой целой горы хлама, по большей части состоявшей из офисной мебели образца девятнадцатого века, беспорядочно сваленной в одном углу, – разбитые столы и секретеры, заплесневевшие grossбухи, горы бумаг, стулья со сломанными спинками – настоящий рай для крыс. Целыми десятками с писком разбегались эти твари и прятались по углам и норам, пронизывающим груды хлама; и после того как двоих ребят укусили, остальные отказались работать до тех пор, пока Уорвик не послал кого-то наверх принести тяжелые прорезиненные перчатки типа тех, что используют в красильной при работе с кислотой.

Холл с Висконским ждали, держа наготове шланги, когда белобрысый парень с толстой шеей по имени Кармишель вдруг стал изрыгать проклятия и пятиться назад, хлопая себя по груди руками в перчатках.

Огромная крыса с серой шерстью и жуткими сверкающими глазами впиалась ему в рубашку и повисла на ней, повизгивая и лягая Кармишеля в живот задними лапами. В конце концов Кармишелю удалось прикончить ее ударом кулака, но в рубашке осталась большая дыра, и над одним из сосков виднелась тонкая полоска крови. Перекошенное гневом лицо парня побледнело. Он отвернулся, и его вырвало.

Холл направил струю из шланга на крысу. Сразу было видно, что она старая, потому как двигалась медленно, а из пасти до сих пор торчал клочок ткани, вырванный из рубашки Кармишеля. Ревущая струя отбросила ее к стенке, где она безжизненно распласталась на полу.

Подошел Уорвик, на губах его играла странная напряженная улыбка. Похлопал Холла по плечу:

– Куда как забавнее, чем швырять банками в этих маленьких сволочей, верно, мальчик из колледжа?

– Ничего себе маленьких, – проворчал Висконский. – Да в ней добрый фут, никак не меньше!

– Лейте туда, – сказал Уорвик и указал на груды хлама. – А вы, ребята, отойдите в сторону.

– С удовольствием, – буркнул один из рабочих.

Кармишель подскочил к Уорвику, бледное его лицо искажала злобная гримаса.

– Я требую компенсации! Я собираюсь по...

– Ладно, ладно, само собой, – с улыбкой сказал Уорвик. – Не кипятись, приятель. Остынь маленько и отойди, иначе тебя сожгут струей.

Холл нацелился и направил струю из шланга на кучу. Струя была настолько мощной, что перевернула старый письменный стол, а два стула разлетелись в щепки. Крысы были повсюду, разбегались в разные стороны. Таких здоровенных тварей Холл еще не видел. Он слышал, как люди вскрикивают от отвращения и ужаса при виде того, как удирают эти создания с огромными глазами и гладкими лоснящимися телами. Он заметил одну – она была размером со здорового шестинедельного щенка. И продолжал поливать до тех пор, пока в поле зрения не осталось ни одной крысы. Затем выключил воду.

– О'кей! – крикнул Уорвик. – Теперь давайте разгребать.

– Я сюда в крысоловы не нанимался! – возмущенно воскликнул Кай Иппестон.

На прошлой неделе Холл перемолвился с ним парой слов. Это был молоденький парнишка в испачканной сажей бейсбольной кепке и грязной футболке.

– Ты, что ли, Иппестон? – вкрадчиво и почти ласково осведомился Уорвик.

Иппестон немного растерялся, однако все же шагнул вперед.

– Да, я. Хватит с меня этих крыс. Я нанялся убирать помещение, а не подцепить тут какую-нибудь холеру, бешенство или другую заразу. Так что, может, лучше вы меня вычеркните.

В группе остальных рабочих послышался одобрительный ропот. Висконский покосился на Холла, но тот преувеличенно внимательно разглядывал наконечник шланга. Отверстие прямо как у револьвера 45-го калибра, запросто может отбросить человека футов на двадцать, если не больше.

– Так ты что, хочешь сказать, что выходишь из игры, я правильно понял, Кай?

– Подумываю об этом, – ответил Иппестон.

Уорвик кивнул:

– О'кей. Я насильно никого не держу. Можешь проваливать и ты, и остальные, кто хочет. Но здесь вам не профсоюзная забегаловка, никогда не была! Хочешь уйти – проваливай, но обратно тебе путь заказан. Я об этом самолично позабочусь, уж будь уверен.

– Не слишком ли круто, а, Уорвик?... – пробормотал Холл.

Уорвик резко развернулся к нему:

– Ты что-то сказал, мальчик из колледжа?

– Да нет, это я так. – Холл взирал на него с почтением. – Просто откашлялся, мистер Уорвик.

Уорвик ухмыльнулся:

– Может, тебе тоже что-то не нравится?

Холл промолчал.

– Ладно, ребятишки, тогда за дело! – рявкнул Уорвик.

И они снова принялись за работу.

Два часа ночи. Четверг.

Холл и Висконский были заняты вывозом мусора. Гора его у западной вентиляционной шахты достигла гигантских размеров и, несмотря на все их усилия, казалось, никак не уменьшалась.

– С днем Четвертого июля! – сказал Висконский, когда они прервались на перекур. Они работали у северной стены – самой дальней от лестницы. Свет почти не проникал сюда, а из-за странностей акустики голоса других рабочих звучали еле слышно, словно они находились в нескольких милях от них.

– Благодарствуйте, – кивнул Холл и затянулся сигаретой. – Что-то сегодня и крыс почти не видеть.

– Да. Остальные то же самое говорят, – сказал Висконский.

– Может, поумнели твари, вот и попрятались.

Они стояли в самом дальнем конце извилистого, зигзагообразного прохода, образовавшегося между нагромождениями древних грессбухов, каких-то счетов, заплесневелых мешков с тряпками и двумя громадными ткацкими станками старого образца.

– Тьфу!.. – фыркнул Висконский и сплюнул на пол. – Этот Уорвик...

– А как ты думаешь, куда попрятались все крысы? – спросил Холл таким тоном, словно разговаривал сам с собой. – Не в стены же... – Он взглянул на отсыревшую и осыпавшуюся кирпичную кладку.

– Да они б потонули все до единой. Тут от реки такая сырость, просто жуть!

Внезапно сверху на них спикировало что-то черное, трепещущее. Висконский, взвизгнув, пригнулся и закрыл голову руками.

– Летучая мышь, – заметил Холл, провожая тварь глазами. Висконский выпрямился.

– Мышь! Летучая мышь! – взвыл он. – С чего это вдруг летучей мыши оказаться в подвале? Они живут на деревьях, под крышами, в...

– Ну и здорова, – одобрительно заметил Холл. – А может, это никакая не летучая мышь, а просто крыса с крылышками, а?

– Господи! – простонал Висконский. – Но как она...

– Сюда попала, да? Может, тем самым путем, каким крысы выбрались отсюда.

– Эй, что там у вас? – донесся откуда-то из глубины помещения голос Уорвика. – Вы где, ребята?

– Ишь распахивался, – тихо заметил Холл, и глаза его странно блеснули в темноте.

– Ты, что ли, мальчик из колледжа? – крикнул Уорвик, подходя поближе.

– Все о'кей! – крикнул в ответ Холл. – Просто подбородок ободрал.

Висконский взглянул на Холла:

– Ты зачем это сказал?

– Вот, глянь-ка. – Холл опустился на колени и чиркнул спичкой. Посреди сырого рас- трескавшегося бетонного пола был виден квадрат. – А ну постучи.

Висконский постучал.

– Дерево...

Холл кивнул.

– Это крышка люка. Я тут поблизости еще несколько таких видел. Сдается мне, под нами есть еще этаж...

– О Господи! – с омерзением и тоской пробормотал Висконский.

* * *

Три тридцать утра. Четверг.

Они находились в северо-восточном углу помещения. По пятам за ними шли Иппестон и Броуч со шлангом, из которого под большим напором била вода. Внезапно Холл остановился и ткнул пальцем в пол.

– Ну вот, так и знал, что мы на нее наткнемся.

В пол была вделана квадратная деревянная дверца люка с ржавой ручкой-кольцом в центре.

Холл подошел к Иппестону и сказал:

– Давай выруби-ка на минутку! – Когда мощный поток превратился в тоненькую струйку, Холл поднял голову и заорал что было сил: – Эй! Эй, Уорвик! А ну поди-ка сюда!

Расплескивая сапогами воду, подошел Уорвик. Насмешливо и жестко взглянул на Холла:

– Что, шнурок развязался, мальчик из колледжа?

– Поглядите, – сказал Холл. И пнул дверцу люка ногой. – Тут, внизу, еще один подвал.

– Ну и что с того? – сказал Уорвик. – Подумаешь, великое дело. И потом, сейчас не перерыв, маль...

– Вот там и живут твои крысы, – перебил его Холл. – Там и размножаются. А чуть раньше мы с Висконским видели летучую мышь.

Подошли еще несколько рабочих, уставились на дверцу в полу.

– Лично мне плевать, – огрызнулся Уорвик. – Наша задача – очистить подвал, а не...

– Тут нужны специалисты, настоящие экстерминаторы. Человек двадцать, не меньше, – заметил Холл. – Я понимаю, начальству это влетит в копеечку. Плохи наши дела.

Кто-то из рабочих засмеялся:

– Как же, дожидайся, раскошелятся они!

Уорвик взглянул на Холла с таким видом, точно то была букашка под микроскопом.

– А ты, я смотрю, штучка... – пробурчал он. – Ты чего, всерьез считаешь, меня должно волновать, сколько там под нами крыс, а?

– Вчера и сегодня днем я ходил в библиотеку, – сказал Холл. – Кстати, премного благодарен за то, что вы напомнили, что я учился в колледже. И прочитал там отчеты городской топографической службы, Уорвик. Оказывается, такая служба была основана еще в 1911 году. Задолго до того, как эта паршивая фабричка разрослась настолько, что заехала в запретную зону. И знаете, что я выяснил?

Глаза Уорвика стали ледяными.

– Вали отсюда, мальчик из колледжа. Ты уволен.

– Я выяснил, – продолжал Холл как ни в чем не бывало, словно не слышал этих его слов, – что в Гейтс-Фоллз до сих пор действует закон о санитарных нормах и паразитах. Могу повторить по буквам: «п-а-р-а-з-и-т-а-х», на тот случай, если кто не расслышал или же не понял. И под этими самыми паразитами подразумеваются разные животные, переносчики заразных заболеваний. Летучие мыши, скунсы, бродячие собаки и... крысы. Особенно крысы! В каких-то двух параграфах крысы упоминаются четырнадцать раз, мистер Прораб. И вы должны иметь в виду, что как только вышибете меня отсюда, я первым делом отправлюсь к городскому уполномоченному и постараюсь как можно толковее изложить ему ситуацию, которая тут у нас наблюдается.

Он сделал паузу, вглядываясь в перекошенное гневом лицо Уорвика.

– И у меня есть все основания полагать, между нами, конечно, что этот самый уполномоченный тут же пришлет комиссию и эту вашу лавочку закроют. И не до субботы, как вы полагали, мистер Прораб, а раз и навсегда. И еще мне кажется, я очень хорошо представляю, что скажет ваш начальник, узнав обо всем этом. Надеюсь, у вас имеется страховка на случай безработицы, а, мистер Уорвик?

Уорвик сжал руки в кулаки.

– Ах ты, сопляк паршивый! Да я тебя... – Тут он глянул вниз, на дверцу, и на лице его неожиданно возникла улыбка. – Можешь считать, что ты уволен, мальчик из колледжа.

– Я надеялся, вы меня правильно поймете.

Уорвик кивнул. На лице его сохранялась все та же странная усмешка.

– Уж больно ты умен, как я погляжу, Холл... А что, если тебе спуститься туда и посмотреть самому? А потом, как человек образованный, проинформируешь нас, выскажешь свое ученое мнение. Ты и Висконский.

– Нет! – взвизгнул Висконский. – Только не я... Я...

Уорвик поднял на него глаза:

– Ты что?

Висконский тут же заткнулся.

– Что ж, прекрасно! – весело сказал Холл. – Нам понадобятся три фонаря. Вроде бы видел в конторе целую кучу таких штуковин, по шесть батареек в каждой. Или я ошибаюсь?

– Хочешь пригласить кого-то еще? – вкрадчиво спросил Уорвик. – Почему нет, конечно! Набирай команду.

– Вас, – коротко и тихо сказал Холл. И на лице его возникло какое-то странное выражение. – В конце концов, должен там быть хотя бы один представитель от администрации или нет? А то, не дай Бог, мы с Висконским чего-нибудь не углядим...

Кто-то из рабочих – кажется, то был Иппестон – громко расхохотался.

Уорвик покосился на рабочих. Большинство из них смотрели в пол. Затем ткнул пальцем в Броуча.

– Ты, Броуч. Ступай в контору и притащи три фонарика. Скажешь сторожу, это я велел.

– Но меня-то зачем впутывать во все это дело? – взмолился Висконский, обращаясь к Холлу. – Ты же знаешь, как я ненавижу этих тварей и...

– Я здесь ни при чем, – ответил Холл и взглянул на Уорвика.

Уорвик ответил ему пристальным взглядом. Двое мужчин стояли молча, и ни один из них не опускал глаз.

Четыре часа утра. Четверг.

Вернулся Броуч с фонариками. Протянул один Холлу, другой – Висконскому и третий – Уорвику.

– Иппестон! Дай Висконскому шланг!

Иппестон повиновался. Наконечник брезентового шланга еле заметно дрожал в руках поляка.

– Так и быть, – сказал Висконскому Уорвик. – Пойдешь в середине. Если будут крысы, задашь им перцу!

Как же, как же, подумал Холл. Даже если там и будут крысы, Уорвик их просто не заметит. И Висконский тоже не заметит, после того как обнаружит в своем конверте с зарплатой лишнюю десятку.

Уорвик кивнул двум рабочим:

– Давайте поднимайте!

Один из парней наклонился и дернул за кольцо. Секунду-другую Холлу казалось, что крышка ни за что не поддастся, но она вдруг приподнялась со странным скрипучим звуком. Второй рабочий сунул под нее руку, чтоб помочь напарнику, и тут же с криком отдернул ее. По руке ползли громадные слепые жуки.

Первый рабочий поднатужился и, крикнув, откинул крышку люка. Внутри было темно – от какой-то необычной плесени или грибка, которого Холлу никогда не приходилось видеть прежде. Из темноты выползали жуки и разбегались по полу. Рабочие с хрустом давили их.

– Эй, поглядите-ка, – пробормотал Холл.

Изнутри к крышке крепился ржавый замок. Теперь он был сломан.

– С чего это он там оказался? – буркнул Уорвик. – Замку полагается быть сверху. Кому и зачем это...

– О, на то может быть масса причин, – заметил Холл. – Возможно, чтобы с наружной стороны его никто не мог открыть, по крайней мере тогда, когда замок был новым... А может, чтоб снизу никто не мог пробраться сюда...

– Да, но кто его запер? – спросил Висконский.

– Вот именно – кто! – Холл насмешливо взглянул на Уорвика. – Загадка...

– Слушайте... – прошептал Броуч.

– О Господи! – взвыл Висконский. – Я туда не пойду, ни за что не пойду!

Снизу доносились тихие, но вполне различимые звуки – шорох и топот тысячи лапок, а также крысиное попискивание.

– Может, лягушки... – сказал Уорвик.

Холл громко расхохотался.

Уорвик посветил вниз фонариком. Луч света выхватил из тьмы прогнившие деревянные ступеньки, спускающиеся к каменному полу. Крыс видно не было.

– Эта лестница нас не выдержит, – решительно заявил Уорвик.

Броуч шагнул к люку и без долгих слов встал на первую ступеньку. Она скрипнула, но устояла.

– Я что, просил тебя? – рявкнул Уорвик.

– Тебя здесь не было, когда крыса укусила Рея, – тихо ответил Броуч.

– Ладно, пошли, – сказал Холл.

Уорвик бросил последний насмешливый взгляд на столпившихся у люка мужчин, затем подошел к краю вместе с Холлом. Висконский нехотя присоединился к ним и встал в середине. Спускались они по одному. Сначала Холл, затем Висконский, и замыкал шествие Уорвик. Свет от фонариков танцевал по неровному, в кривых впадинах и горбах, полу. Шланг тащился по ступенькам за Висконским, напоминая вялую неуклюжую змею.

Добравшись до дна, Уорвик посветил фонариком по сторонам. Луч осветил несколько полусгнивших ящиков, какие-то бочки. Просочившаяся из реки вода собралась в грязные лужи и доходила до щиколоток.

Они медленно двинулись в сторону от лестницы, то и дело оскальзываясь в жидкой грязи. Внезапно Холл остановился и осветил фонариком огромный деревянный ящик с буквами.

– «Элиас Варни, – прочитал он. – 1841»... Разве фабрика тогда уже была?

– Нет, – ответил Уорвик. – Ее построили только в 1897-м. А зачем тебе?

Холл не ответил. Они снова двинулись вперед. Похоже, этот второй подвал оказался куда больше, чем можно было предположить. Вонь усилилась – запах гниения, сырости, разложения... И единственным звуком было еле слышное журчание воды.

– А это еще что такое? – спросил Холл, направив луч света на бетонный выступ длиной фута в два, под острым углом перегородивший дорогу. За ним плотно сгустилась тьма, и еще Холлу показалось, что оттуда доносится еле слышный вкрадчивый шорох.

Уорвик устался на выступ.

– Это... Да нет, просто быть не может...

– Внешняя стена фабрики, верно? А там, за ней...

– Лично я топаю обратно, – сказал Уорвик и резко развернулся.

Холл грубо ухватил его за воротник:

– Никуда вы не пойдете, мистер Прораб.

Уорвик взглянул на него, в темноте хищно блеснули зубы.

– Да ты совсем рехнулся, мальчик из колледжа! Вы только послушайте его! Окончательно крыша поехала.

– Нечего морочить людям голову, приятель. Давай двигай вперед!

– Холл... – жалобно простонал Висконский.

– А ну, дай сюда! – Холл выхватил у него шланг. Отпустил воротник Уорвика и ткнул наконечником шланга ему в висок. Висконский, шустро развернувшись, рванул к выходу. Холл не обратил на это внимания. – После вас, мистер Прораб, после вас...

Уорвик нехотя шагнул вперед и дошел до того места, где начиналась внешняя стена фабрики. Холл посветил за угол, и его охватило сладострастное чувство восторга, смешанного с омерзением. Его опасения оправдались. Там было полно крыс, настороженно притихших тварей. Они столпились, сгрудились там. Они налезали друг на друга – целые полчища. Тысячи глаз кровожадно взирали на них. У стен их было особенно много – высота этого живого клубка доходила человеку до подбородка.

Секунду спустя Уорвик тоже увидел их и сразу же остановился.

– Да их и правда тут полно, мальчик из колледжа... – Голос звучал спокойно, но он явно изо всех сил сдерживался, стараясь не дать страху прорваться наружу.

– Да, – сказал Холл. – Идем дальше.

Они двинулись дальше, шланг волочился следом. Холл обернулся всего лишь раз и успел заметить, что крысы уже перекрыли образовавшийся за ними проход и впилась зубами в толстую брезентовую ткань шланга. Одна подняла голову, и Холлу показалось, что тварь ухмыляется. Только теперь он заметил, что тут обитают и летучие мыши. Они гнездились где-то наверху, под застрехами, – огромные, размером с грача или ворону.

– Смотри! – сказал Уорвик и посветил фонариком футов на шесть перед собой.

Там лежал скелет, позеленевший от плесени, и скалил зубы, словно насмехаясь над ними. Холл различил также локтевую кость, одну тазобедренную кость, несколько ребер.

– Пошли, – пробормотал Холл и вдруг почувствовал, как в груди у него нарастает некое темное и безумное чувство, готовое вырваться наружу, затопить разум, лишить подвижности... *Нет, нельзя! Ты должен сломаться раньше, мистер Прораб! Господи, помоги же мне!*

Они молча прошли мимо костей. Крысы их не трогали, держались на почтительном расстоянии. Правда, впереди Холл все же различил одну, тварь перебежала им дорогу. Тело ее было скрыто в тени, но он успел заметить голый розовый хвост толщиной с телефонный кабель.

Впереди пол круто поднимался вверх, за ним чернела какая-то яма. Холл слышал доносившийся оттуда неумолчный шорох и возню. Странные звуки... Похоже, их производило существо, никогда прежде не виданное человеком. И вдруг Холлу показалось, что он наконец-то увидит то, что подсознательно искал все эти годы, проведенные в бесцельных метаниях по стране.

Все новые крысы появлялись в помещении, ползли на животах, напирали сзади, словно подстегивая их.

– Глянь-ка... – нарочито спокойным тоном произнес Уорвик.

Холл глянул. С крысами здесь явно что-то произошло. Некая жуткая мутация, после которой при дневном свете им было ни за что не выжить – сама природа воспротивилась бы этому. Но здесь, под землей, у природы было совсем другое, пугающее обличье.

Не крысы, а настоящие гиганты, некоторые достигали трех футов в длину. При этом задние лапы у них отсутствовали, и они были слепы, как кроты, как их крылатые собратья. Однако, несмотря на все это, они с холодящим душу упорством продолжали ползти по полу.

Уорвик обернулся и взглянул на Холла. Потом, собрав всю волю в кулак, выдавил улыбку:

– Пожалуй, нам не стоит идти дальше, Холл. Сам видишь, что тут творится...

– Мне кажется, тебе все же стоит разобраться с этими крысами, – сказал Холл.

Тут Уорвик утратил над собой контроль.

– Пожалуйста... – протянул он. – Пожалуйста, прошу тебя, не надо!

Холл улыбнулся:

– Нет, пошли.

Уорвик глянул через плечо.

– Они жрут шланг. Так и вгрызаются в него. И если испортят, нам уже отсюда не выбраться.

– Знаю. И все равно – вперед!

– Да ты совсем спятил. – В эту секунду через сапог Уорвика переползла крыса, и он вскрикнул. Холл улыбнулся и взмахнул фонариком. Крысы обступили их со всех сторон, ближайšie находились в каком-то футе...

Уорвик зашагал дальше. Крысы отпрянули.

Дойдя до возвышения, они поднялись на него и глянули вниз. Уорвик – первым, и Холл увидел, что лицо у него побелело как полотно. По подбородку сбегала струйка слюны.

– О Боже... Господи Иисусе!..

И Уорвик развернулся, чтобы бежать.

Но тут Холл крутанул колесико крана, и из шланга под огромным напором ударила толстая струя воды. Прямо Уорвику в грудь. Она сбила его с ног, опрокинула, и он исчез. Из темноты, где плескалась вода, донесся протяжный крик. Затем топот лап.

– *Холл!* – Стоны, возня. А затем – жуткий пронзительный писк, заполнивший, казалось, все пространство вокруг.

– ХОЛЛ, РАДИ БОГА!..

Затем – треск чего-то влажного, рвущегося на части. Еще один вскрик, уже слабее. Какая-то возня, шорох. Потом Холл совершенно отчетливо различил хруст, который издают ломающиеся кости.

Безногая крыса, ведомая, очевидно, неким чудовищным локатором, набросилась на него, впилась зубами в ногу. Тело было дряблым и теплым. Почти автоматическим жестом Холл направил струю на нее, сшиб с ноги, отбросил в сторону. Давление, под которым подавалась вода, заметно ослабело.

Холл приблизился к краю выступа и глянул вниз.

Тело гигантской крысы заполнило собой весь водосток, все зловонное пространство. Сплошная пульсирующая серая масса, безглазая и абсолютно безногая. Вот в нее ударил луч света, и масса издала ужасающий вой, напоминавший мяуканье. Ага, их королева, подумал Холл. Их *magna mater*²⁹....Огромное чудовищное создание, которому нет названия, способное в один прекрасный день породить еще и крылатое потомство. Останки Уорвика выглядели в сравнении с ней просто карликовыми... Но может, то была лишь иллюзия. Шок... Еще бы, увидеть крысу величиной с доброго теленка...

– Прощай, Уорвик, – сказал Холл.

Крыса ревниво приникла к телу мистера Прораба, впилась клыками в вяло мотающуюся руку.

Холл развернулся и торопливо зашагал к лестнице, отпугивая крыс водой из шланга. Струя ее с каждой секундой становилась все слабей. Некоторым из тварей удавалось проворачиваться, и они, подпрыгивая, норовили вцепиться в ноги над ботинками. Одна, особенно проворная и злобная, впилась зубами ему в бедро и стала рвать толстую ткань вельветовых джинсов. Холл сжал ладонь в кулак и одним ударом отбросил ее в сторону.

Он прошел уже три четверти пути, как вдруг темноту заполнило хлопанье громадных крыльев. Поднял голову – и гигантская летучая тварь хлестнула его по лицу.

Летучие мыши-мутанты хвостов не потеряли. Один из них, упругий и мощный, обвился вокруг шеи Холла и стал сжиматься все туже и туже, в то время как острые зубы выискивали мягкое и наиболее уязвимое местечко под горлом. Тварь хлопала своими мембранообразными крыльями, цеплялась за лохмотья, в которые превратилась рубашка Холла, не давала уйти...

Холл слепо приподнял в руке наконечник шланга и ударил им по мягкому податливому телу. Бил и бил – до тех пор, пока оно не отвалилось и не захрустело под его ногами. Он кричал, но не слышал собственного голоса. А крысы потоком карабкались по его ногам.

Он бросился бежать, спотыкаясь и подвывая, и нескольких удалось стряхнуть. Другие уже впивались в живот и грудь. Одна из тварей, пробежав по плечу, сунула подвижный мокрый нос прямо в ушную раковину.

На вторую летучую мышь Холл налетел сам, с разбега. Секунду она, попискивая, неподвижно сидела у него на голове, затем вдруг вырвала клочок кожи вместе с волосами.

Холл почувствовал, как все тело его становится неуклюжим и вялым. Уши закладывало от писка и воя крыс. Он попытался сделать еще один рывок, споткнулся о мохнатые тела, упал на колени. И вдруг захохотал – визгливо, громко, истерически.

Пять утра. Четверг.

– Надо бы все же спуститься и посмотреть, чего там у них, – робко и неуверенно предложил Броуч.

– Только не я, – прошептал Висконский. – Не я...

– Ладно, ладно, не ты, толстопузый, – презрительно пробормотал Иппестон.

²⁹ Великая мать (лат.).

– *Пошли, ребята,* – сказал Бруген, подтаскивая еще один шланг. – Я, Иппестон, Дэн-джерфилд, Недо! А ты, Стивенсон, сбегай в контору и притащи еще фонарики.

Иппестон задумчиво всматривался в темноту колодца.

– Может, они перекур там устроили, – сказал он. – Подумаешь, делов-то, несколько паршивых крыс...

Вернулся Стивенсон с фонариками; и через несколько минут они начали спускаться.

Ночной прибой

30

После того как парень умер и запах горелой плоти растаял в воздухе, все мы снова пошли на пляж. Кори тащил с собой радио – эдакую огромную, с чемодан, дуру на транзисторах, которая питалась от сорока батареек и имела встроенный магнитофон. Нельзя сказать, чтоб звук был очень чистым, но уж громким он точно был, это будьте уверены. Кори считался вполне обеспеченным парнем до того, как случилась эта история с А6, но теперь такого рода вещи значения уже не имели. Даже его здоровенная радиомангантола превратилась в забавный, но ничего не стоящий хлам, не более того. Остались всего лишь две радиостанции, которые мы могли ловить. Одна, Дабл-ю-кей-ди-эм в Портсмуте, принадлежала какому-то неотесанному диджею из глубинки, свихнувшемуся на религиозной почве. Он ставил пластинку Перри Комо, затем читал молитву, потом рыдал, потом ставил другую запись, Джонни Рея, читал один из псалмов (подвывая, словно Джеймс Дин³¹ в фильме «К востоку от рая»), затем принимался орать или рыдать. Короче говоря, сплошные сопли. Как-то раз он вдруг надтреснутым глуховатым голосом запел «Вяжите снопы», отчего Нидлз и я буквально впали в истерику.

Радиоволна в Массачусетсе – куда как лучше, но ловить ее можно было только по ночам. Владела ею шайка каких-то ребятишек. Думаю, они захватили оборудование Дабл-ю-а-кей-оу или Дабл-ю-ви-зет – после того как все сбежали или умерли. Они транслировали только сумасшедшие позывные типа «Вдоуп», или «Кант», или «ВА6», словом, всякую муть. Нет, не подумайте, это было действительно смешно – просто со смеху можно было лопнуть. Вот эту самую радиостанцию мы и слушали, возвращаясь на пляж. Мы с Сюзи держались за руки; Келли и Джоан зашли дальше, а Нидлз, так тот вообще пребывал в полной эйфории. Кори то и дело блевал, прижимая к животу свое радио. «Стоунз»³² пели «Энджи».

– Ты меня *любишь*? – спросила Сюзи. – Это все, что я хочу знать. *Любишь* или нет? – Сюзи все время надо было в чем-то уверять. А я был у нее кем-то вроде плюшевого медвежонка.

– Нет, – ответил я. Она была склонна к полноте и, если б прожила долго, чего ей, думаю, не светило, превратилась бы в жирную матрону с дряблой обвисшей плотью. К тому же ее совершенно развезло.

– Падашь ты, вот кто, – сказала она и поднесла руку к лицу. Примерно с полчаса назад вошел месяц, и ее длинные наманикюренные ногти поблескивали в слабом сиянии.

– У тебя чего, опять глаза на мокром месте?

– Заткнись! – В голосе звучали слезливые нотки.

Мы перебрались через песчаный гребень, и я остановился. Я всегда останавливаюсь здесь. До А6 тут находился городской пляж. Туристы, любители пикников, сопливые ребятишки и толстые пожилые матроны с обожженными солнцем локтями. Обертки от конфет и палочки от фруктового мороженого, воткнутые в песок; все эти красивые люди, нежащиеся на разноцветных полотенцах; и целый букет запахов, в котором к вони выхлопных газов с автостоянки примешивался аромат масла «Коппертоун»³³ и морских водорослей.

Теперь тут была одна лишь серая грязь, и весь мусор как рукой смело. Океан поглотил его, поглотил все одним махом, как, к примеру, вы съедаете пригоршню воздушной кукурузы. И не было на Земле людей, чтоб прийти сюда и намусорить вновь. Только мы, а какой от нас

³⁰ Night Surf. © 1998. Н. Рейн. Перевод с английского.

³¹ Дин, Джеймс (1931–1955) – американский актер, выступал также в театре и на ТВ.

³² Имеется в виду английская рок-группа «Роллинг Стоунз».

³³ «Коппертоун» – серия косметических средств для безопасного загара.

мусор?.. К тому же мы страшно любили этот пляж. Настолько, что... Ну разве мы только что не принесли ему жертву?.. Даже Сюзи, эта маленькая сучка Сюзи, с жирной задницей и пупком, похожим на ежевику, любила его.

Песок совсем белый, он весь испещрен мелкими дюнами. А граница отмечена лишь линией прилива – спутавшимися клубками водорослей, прядями ламинарий, обломками каких-то деревяшек, прибитых к берегу. Луна расцветила песок серповидными чернильными тенями и складками. Ярдах в пятидесяти от купальни вздымалась покинутая всеми спасательная башня – белая и скелетообразная, похожая на указующий перст скелета.

И прибой, ночной прибой вздымал клочья пены, разбиваясь о волнорезы, и кругом, на сколько хватал глаз, были одни лишь устремившиеся в атаку волны. Возможно, вода, которую они несли с собой, еще вчера ночью находилась где-нибудь на полпути к Англии.

– «Энджи» в исполнении «Стоунз», – пояснил надтреснутый голос из радиоприемника. – Выкопал для вас настоящий хит, пусть товар лежалый, но зато звучит. Прямиком с кладбища, где нам всем лежать... Впрочем, что это я? Говорит Бобби. Сегодня должен был работать Фред, но Фред подцепил грипп. Весь распух, бедолага...

Сюзи хихикнула, хотя слезы на ресницах еще не просохли. Я прибавил шаг, хотел догнать ее и утешить.

– Подождите! – крикнул Кори. – Берни! Эй, Берни, подожди меня!

Парень из радио начал читать какие-то неприличные лимерики³⁴, затем на их фоне прорезался голос девушки – она спрашивала, куда он поставил пиво. Диджей что-то ей ответил, но в этот момент мы уже оказались на пляже. Я обернулся посмотреть, что делает Кори. Он съезжал с дюны на заднице – вполне в его манере – и выглядел при этом так нелепо, что мне стало его жаль.

– Побегаешь со мной? – спросил я Сюзи.

– Зачем это?

Я шлепнул ее по попке. Она взвизгнула.

– Да просто так. Потому что хочется побегать.

И мы побежали. Она тут же отстала, засопела, как лошадь, и стала орать, чтоб я ее подождал, но я забыл о ней и обо всем на свете. Ветер свистел в ушах и вздымал волосы, воздух свежо и остро пах солью. Прибой гремел. Волны походили на черное стекло, украшенное пеной. Я скинул резиновые шлепанцы и помчался по песку босиком, не обращая внимания на острые осколки раковин. Кровь так и кипела в жилах.

А потом оказался под навесом, где уже сидел Нидлз, а рядом, держась за руки и глядя на воду, стояли Келли с Джоан. Я перекувырнулся через голову и почувствовал, как с рубашки по спине сыплется песок. И подкатился прямо к ногам Келли. Он упал сверху и начал тыкать меня лицом в песок, а Джоан дико хохотала.

Потом мы встали и, усмехаясь, смотрели друг на друга. Сюзи перешла с бега на медленный шаг и тащилась к нам. Кори почти догнал ее.

– Да, здорово горело, – пробормотал Келли.

– Ты считаешь, он и вправду приехал из самого Нью-Йорка? Или соврал? – спросила Джоан.

– Не знаю... – Я не думал, что это имело какое-либо значение.

Мы нашли его сидящим за рулем огромного «линкольна», в полубессознательном состоянии и в бреду. Голова распухла и походила на футбольный мяч; шея была ровной и толстой, точно сарделька. Словом, отъездился парень. И мы отволокли его к лодочной станции и там подожгли. Он успел сказать, что звать его Элвин Сэкхейм, и еще он все время звал бабушку.

³⁴ Лимерики – шуточные стихотворения из пяти строк, веселая бессмыслица. Впервые возникли в Англии около 1820 г. Получили известность благодаря поэту Эдварду Лиру.

А потом вдруг принял за бабушку Сюзи, отчего та вдруг страшно развеселилась, Бог ее знает почему. Сюзи вообще любит поржать по любому, даже самому неподходящему поводу.

Вообще-то Кори первому пришла в голову мысль сжечь его. Но начиналось все как шутка. Еще в колледже он начитался разных книжонок о колдовстве и черной магии и вот, стоя рядом с «линкольном» Элвина Сэкхейма и хитро поглядывая на нас в темноте, вдруг заговорил о том, что если мы принесем жертву темным силам, то, может, они, эти темные силы, защитят нас от А6.

Естественно, никто из нас по-настоящему не верил во всю эту лабуду, но... Слово за слово – и разговор начал принимать все более серьезный и конкретный оборот. Это было нечто новое, неиспытанное, и мы наконец решились. Привязали его к смотровой вышке – стоит кинуть монету в специальное наблюдательное устройство, и в ясный день видно далеко-далеко, до самого маяка в Портленде. Привязали своими ремнями и отправились собирать топливо – сухие ветки, обломки деревяшек, принесенные морем. И были так довольны и возбуждены, словно детишки, играющие в прятки. А пока мы занимались всем этим, Элвин Сэкхейм висел на ремнях и все звал свою бабушку. У Сюзи горели глаза, и дышала она часто-часто. Похоже, завелась. А когда мы с ней оказались в ложине между двумя дюнами, вдруг прижалась ко мне и поцеловала. Губы у нее были густо намазаны помадой – такое впечатление, будто целуешь жирную тарелку.

Я оттолкнул ее, и она тут же надулась.

Затем мы вернулись и сложили сухие ветки и палочки у ног Элвина Сэкхейма. Получилась куча высотой до груди. Нидлз щелкнул зажигалкой «Зиппо», огонь тут же занялся. Перед тем как волосы у него вспыхнули, парень вдруг страшно закричал. А уж воняло от него... ну прямо как от поросенка, зажаренного по китайскому рецепту.

– Сигаретки не найдется, Берни? – осведомился Нидлз.

– Да вон там, позади тебя, этих сигарет коробок пятьдесят.

– Идти неохота...

Я дал ему сигарету и сел. Мы с Сюзи повстречали Нидлза в Портленде. Он сидел на обочине тротуара, напротив здания Государственного театра, и наигрывал песенки Лидбелли³⁵ на большой гитаре, которую умудрился стибрить неизвестно где. Звуки гулким эхом разносились по Конгресс-стрит, словно играл он не на улице, а в концертном зале.

Тут перед нами возникла запыхавшаяся Сюзи.

– Ты подлец, Берни, вот кто!

– Да перестань, Сью! Смени пластинку. От этой ее стороны просто воняет.

– Сволочь, придурок, сукин сын! *Дерьмо собачье!*

– Пошла вон, – сказал я. – Иначе фингал под глазом схлопочешь, Сюзи. Ты ж меня знаешь.

Тут она снова зарыдала. Ох, уж что-то, а рыдать наша Сюзи была мастер! Подошел Кори, попытался обнять ее. Она ударила его локтем в пах, и тогда он харкнул ей в физиономию.

– *Убью*, скотина! – Она набросилась на него, вереща и рыдая, размахивая руками, словно лопастями пропеллера. Кори попятился, едва не упал, потом развернулся – и ну деру! Сюзи бросилась вдогонку, выкрикивая проклятия и истерически рыдая. Нидлз откинул голову и расхохотался. К шуму прибоя примешивались тихие звуки радио Кори.

Келли и Джоан отошли в сторонку. Я смутно различал их силуэты, бредущие в обнимку у самой кромки воды. Ну прямо картинка в витрине какого-нибудь рекламного агентства, а не парочка! «Посетите прекрасную Сент-Лорку!» Да, все правильно. Похоже, у них серьезно.

– Берни?

³⁵ Прозвище Харди Лидбеттера, американского исполнителя народных песен.

– Чего? – Я сидел и курил и думал о Нидлзе, который, откинув крышечку с зажигалки «Зиппо», крутанул колесико, щелкнул кремнем и выбил из нее огонь – ну в точности пещерный человек.

– Я его подцепил, – сказал Нидлз.

– Да? – Я поднял на него глаза. – Ты уверен?

– Ясное дело, уверен. Голова разламывается. Желудок ноет. Писать – и то больно.

– Да, может, это просто какой-нибудь гонконгский грипп. У Сюзи был такой. Не приведи Господи. Бедняжка уже собиралась копыта откинуть и просила Библию. – Я засмеялся.

Произошло это, когда мы еще учились в университете, примерно за неделю до того, как заведение закрылось навсегда, и за месяц до того, как на грузовиках стали вывозить тела и хоронить их в братских могилах.

– Вот, погляди. – Он чиркнул спичкой и поднес ее к подбородку. Я увидел небольшие треугольные пятна, чуть припухшие. Первый признак Аб, вне всякого сомнения.

– О'кей, – сказал я.

– Нет, я чувствую себя не так уж плохо, – заметил он. – Ну, во всяком случае, что касается разных там мыслей. Ты ведь тоже... Ты ведь тоже много думаешь об этом, Берни. Я знаю.

– Ничего я не думаю, ложь.

– Думаешь, еще как думаешь! Как тот парень сегодня. И о нем тоже думаешь. Вообще-то, если поразмыслить хорошенько, может, мы и сделали для него доброе дело. Сдается мне, он так и не понял, что с ним происходит.

– Да нет, понял.

Нидлз пожал плечами и отвернулся.

– Ладно. Не важно.

Мы курили и следили за тем, как набегают и отбегают волны. И горькая реальность вернулась, и все стало очевидно и определенно раз и навсегда. Уже конец августа, через пару недель повеет холодом, и осень тихо и незаметно вступит в свои права. Самое время убраться куда-нибудь. Спрятаться, укрыться. Зима... Возможно, к Рождеству все мы помрем. В чьем-нибудь чужом доме, в гостинной, с дорогим приемником Кори на книжном шкафу, битком набитом номерами «Ридерс дайджест». А бледное зимнее солнце, просачиваясь сквозь оконные рамы, будет отбрасывать на ковер прямоугольные желтоватые пятна...

Видение было настолько реальным, что я содрогнулся. Нет, никто не должен думать о зиме в августе. Прямо мурашки по коже.

Нидлз усмехнулся:

– Ну вот, все-таки думаешь.

Что я мог на это ответить? Ничего. Встал и сказал:

– Пойдем поищем Сюзи.

– Может, мы вообще последние люди на Земле, Берни. Когда-нибудь думал об этом? – В слабом мертвенном свете луны он уже выглядел почти покойником. Под глазами круги, бледные неподвижные пальцы напоминают карандаши.

Я подошел к воде и стал всматриваться в даль. Ничего, лишь неустаннодвигающиеся валы, увенчанные мелкими завитками пены. Звук прибоя, разбивающегося о волнорезы, был здесь особенно громким. Казалось, рев этот поглотил все вокруг. Впечатление такое, словно оказался в эпицентре грозы. Я закрыл глаза и стоял, слегка раскачиваясь. Песок под босыми ступнями был холодным, серым и плотным. *Словно мы последние люди на Земле...* Ну и что с того? Прибою все равно. Он будет греметь до тех пор, пока светит луна, регулирующая приливы и отливы.

Сюзи и Кори были на пляже. Сюзи уселась на него верхом и притворялась, будто объезжает дикого мустанга, то и дело норовящего сунуть морду в кипящую воду прибоя. Кори

весело фыркал, ржал и плескался. Оба промокли до нитки. Я подошел и ударом ноги сшиб ее на землю. Кори ускакал на всех четырех, вздымая тучи брызг и подвывая.

– *Ненавижу!* – яростно выкрикнула Сюзи. Рот ее растянулся в горестной гримасе и напоминал вход в игрушечный домик. Когда я был маленьким, мама водила нас в парк Гаррисона, где стоял деревянный игрушечный домик в виде клоунской физиономии. И входить в него надо было через рот.

– Перестань, Сюзи, не надо! Давай поднимайся, дружок! – Я протянул ей руку.

Она нерешительно приняла ее и встала. На блузку и кожу налип сырой песок.

– Тебе не следовало толкать меня, Берни. Никогда не...

– Идем. – О, она ничуть не походила на автомат-проигрыватель в ресторане. В нее не надо было бросать двадцатицентовик, она и без того никогда не затыкалась.

Мы пошли по пляжу к главному торговому павильону. Человек, некогда державший это заведение, жил в небольшой квартирке наверху. Там имелась постель. Вообще-то постели она не заслуживала, но Нидлз, пожалуй, прав. Какая, к чертям, разница? Какие теперь, к дьяволу, правила и счета?..

Сбоку от здания находилась лестница, ведущая на второй этаж, и я, поднимаясь по ней, на секунду остановился – заглянуть в разбитую витрину, поглазеть на пыльные товары, которые никто не потрудился украсть. Горы футболок с надписью «Пляж Ансон» на груди, а также с картинкой – голубое небо и волны; тускло мерцающие браслеты, от которых на второй день на запястье остается зеленое пятно; яркие пластиковые клипсы; мячики; поздравительные открытки, выпачканные в грязи; грубо раскрашенные гипсовые мадонны; пластиковая блевотина (*Ну прямо как настоящая! Попробуй подсунь жене!*); хлопушки, сделанные к празднику Четвертого июля, но так и не дождавшиеся своего часа; пляжные полотенца с изображением соблазнительной девицы в бикини, стоящей среди целого леса названий знаменитых курортов; вымпелы (*сувенир из Ансона, пляж и парк*); воздушные шары, купальники. Имелся там и бар, вывеска перед входом в него гласила: ОТВЕДАЙТЕ НАШЕ ФИРМЕННОЕ БЛЮДО – ПИРОГ С МОЛЛЮСКАМИ.

Еще студентом я частенько бывал на пляже Ансона. Было это лет за семь до нашествия Аб, и тогда я встречался с девушкой по имени Морин. Крупная такая была девица и носила купальник в розовую клеточку. Я еще дразнил ее, говорил, что в нем она похожа на скатерть. Мы разгуливали по деревянному настилу у павильона босиком, и доски были горячими, а под ступнями хрустел песок. Кстати, мы с ней так и не попробовали пирога с моллюсками.

– Куда это ты пялишься?

– Никуда. Идем.

Ночью мне снились страшные сны об Элвине Сэкхейме, и я несколько раз просыпался мокрым от пота. Он сидел за рулем блестящего желтого «линкольна» и говорил о своей бабушке. Распухшая почерневшая голова, обугленный скелет. И от него несло горелым мясом. Он говорил и говорил, но я не разбирал ни слова. И, задышавшись, проснулся снова.

Сюзи лежала у меня поперек ног – бледная бесформенная туша. На часах было 3.50, но, присмотревшись, я понял, что они остановились. На улице было еще темно. Прибой продолжал греметь, разбиваясь о берег. Стало быть, теперь где-то около 4.15. Скоро начнет светать. Я выбрался из постели и подошел к двери. Морской бриз приятно охлаждал потное тело. И вопреки всему мне страшно не хотелось умирать.

Покопавшись в углу, нашел банку пива. Там, у стены, стояли три или четыре ящика «Бада». Пиво было теплое, так как электричество отключилось. Но я в отличие от некоторых ничего не имею против теплого пива. Подумаешь, дело какое, только пены побольше, и все. Пиво – оно и есть пиво. Я вышел на лестницу, сел, дернул за колечко и стал пить.

Итак, что называется, приехали. Вся человеческая раса стерта с лица Земли, и не от атомного взрыва, биологического оружия, массового загрязнения среды или еще чего, столь же *значительного*. Нет, вовсе нет. *Просто от гриппа*. Хорошо бы установить огромный памятник в честь этого события. Ну, скажем, где-нибудь в Бонневилль-Солт-Флэтс. Эдакий куб из бронзы, представляете? Каждая сторона длиной в три мили. А сбоку громадными буквами – чтоб было видно издали, а то вдруг какие-нибудь инопланетяне захотят приземлиться – выбита надпись: ПРОСТО ОТ ГРИППА.

Я отшвырнул пустую банку. Она с глухим звяканьем покатила по бетонной дорожке, огибающей дом. Навес на пляже чернел треугольником на фоне более светлого песка. Интересно, проснулся ли Нидлз? Проснулся ли я сам в следующий раз?..

– Берни?

Она стояла в дверях. На ней была одна из моих рубашек. Я просто ненавижу такие штуки. Вечно потная, как хрюшка.

– Я тебе разонравилась, верно, Берни?

Я не ответил. Прошли времена, когда я порой чувствовал себя виноватым. И она... она заслуживала меня не больше, чем я ее.

– Можно с тобой посидеть?

– Боюсь, что места на двоих не хватит.

Она, тихо всхлипнув, стала отступать в глубину комнаты.

– А Нидлз подхватил А6, – сказал я.

Она остановилась и взглянула на меня. Лицо ее оставалось странно неподвижным.

– Шутишь, Берни?

Я закурил сигарету.

– Он... Только не он! Этого просто не может быть!

– Да, у него был А2. Гонконгский грипп. Как у тебя, у меня, у Кори, Келли и Джоан.

– Но это значит...

– Да. Иммунитета нет.

– Понятно. Тогда все мы тоже можем заболеть.

– Может, он наврал, что у него был А2. Чтоб мы взяли его с собой, – сказал я.

На лице ее отразилось облегчение.

– Ну конечно, так оно и есть! Я бы на его месте тоже наврала. Кому охота остаться одному... – Затем, помолчав, она нерешительно спросила: – Ложиться еще будешь?

– Пока нет.

Она ушла. Мне незачем было говорить ей, что А2 вовсе не является гарантией против А6. Она и без того знала. Просто запрещала себе думать об этом. Я сидел и смотрел на волны. Ну и хороши! Много лет тому назад Ансон был единственным приличным местом в штате для серфинга. Маяк в Портленде вырисовывался на фоне неба темным неровным горбом. Мне даже показалось, я различаю вышку, где находился наблюдательный пост, но, возможно, то был лишь плод моего воображения. Иногда Келли брал Джоан туда. Впрочем, не думаю, чтобы сегодня ночью они были там.

Я спрятал лицо в ладонях и начал крепко сжимать их, ощущая прикосновение кожи, плотную и неровную ее поверхность. Вот так же и все вокруг сжималось, сокращалось с непостижимой быстротой... В этом-то и заключалась основная подлость, и лично я не видел в смерти никакого достоинства.

А волны все поднимались, поднимались, поднимались из глубины моря. И не было им конца. Прозрачные, глубокие... Мы приезжали сюда летом, Морин и я. Летом после школы, летом перед поступлением в колледж, перед тем, как А6 надвинулся из Юго-Восточной Азии и накрыл всю Землю черным саваном. Летом, в июле, мы ели здесь пиццу и слушали ее радио,

и я мазал ей спину лосьоном, а она мазала спину мне, и воздух был горячим, песок таким ярким... а солнце горело на небе, точно расплавленное стеклышко.

Я – дверь отверстая

36

Мы с Ричардом сидели на крыльце, любовались песчаными дюнами и Мексиканским заливом за ними. Дым сигары Ричарда лениво клубился, держа комаров на почтительном расстоянии. Океан на горизонте отдавал прохладной зеленью, а небо над ним было глубокого синего цвета. Красиво, что и говорить.

– Так ты, значит, дверь, – задумчиво повторил Ричард. – Ты уверен, что это тебе не приснилось? Что ты действительно убил того мальчишку?

– Не приснилось. И я его не убивал, говорю же. Это все они. Я лишь дверь.

Ричард вздохнул.

– Ты его похоронил?

– Да.

– Место помнишь?

– Да.

Я достал сигарету из кармана рубашки. Перебинтованные руки слушались плохо. И чесались немилосердно.

– Если захочешь посмотреть, придется брать твой пескоход. Это, – я кивнул на свою инвалидную коляску, – по песку не ездит.

У Ричарда был багги для передвижения по дюнам – переделанный «фольксваген-жук» 1959 года с полуметровыми колесами. Он собирал на нем плавник – деревянные обломки, вынесенные волнами на берег. С тех пор как Ричард продал свое агентство недвижимости в Мэриленде, он жил тут, на косе Каролина, – делал из плавника скульптуры и по безбожной цене загонял их туристам.

Он пыхнул сигарой и посмотрел на залив.

– Да уж. Расскажи все сначала.

Я вздохнул и попытался закурить. Ричард отобрал у меня спички и зажег сигарету. Я сделал две глубокие затяжки. Пальцы нестерпимо чесались.

– Хорошо, – кивнул я. – Вчера, часов в семь вечера, я был на пляже, смотрел на залив, курил, как сейчас, и тут...

– Нет, начни сначала.

– Сначала?

– Расскажи о полете.

Я покачал головой:

– Ричард, ну сколько можно? Ничего нового...

Испещренное глубокими морщинами лицо Ричарда было загадочным, как его скульптуры.

– Может, ты вспомнишь что-то еще, – сказал он. – Сейчас точно вспомнишь.

– Ты серьезно?

– Конечно. А когда закончишь, поищем могилу.

– Могила... – повторил я. Пустое, гулкое слово – темное, темнее даже того безбрежного пространства, которое мы с Кори пересекли пять лет назад. Тьма, тьма, тьма.

Мои новые глаза под повязками слепо таранились в темень стягивавших их бинтов. Они ужасно чесались.

³⁶ Am the Doorway. © 2011. А. Аракелов. Перевод с английского.

На орбиту нас с Кори зашвырнула ракета «Сатурн-16». Кто-то из комментаторов окрестил ее Ракетой-Небоскребом. Здоровенная была дура, ничего не скажешь. Рядом с ней первые «Сатурны» казались детскими игрушками. Стартовую площадку пришлось заглубить на шестьдесят метров – иначе сдуло бы в океан половину мыса Кеннеди.

Мы сделали оборот вокруг Земли, проверили все системы, потом включили разгонный блок. Направление – Венера. На Земле остался сенат, в котором шла драка по поводу ассигнований на исследование космоса, и группа людей из НАСА, молившихся, чтобы мы нашли хоть что-то полезное. Что угодно.

– Не важно что, – каждый раз говорил после пары стаканов Дон Ловинджер, штатный умник проекта «Зевс». – В вашем распоряжении куча приборов, пять роскошных телекамер и маленький, но крутой телескоп с хреновой тучей всяких там фильтров и линз. Найдите золото, найдите платину. А еще лучше – найдите каких-нибудь милых, туповатых синих человечков, чтобы мы их изучали, ощущая свое превосходство. Хоть что-нибудь! Да хоть призрак Пинокио – уже дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.